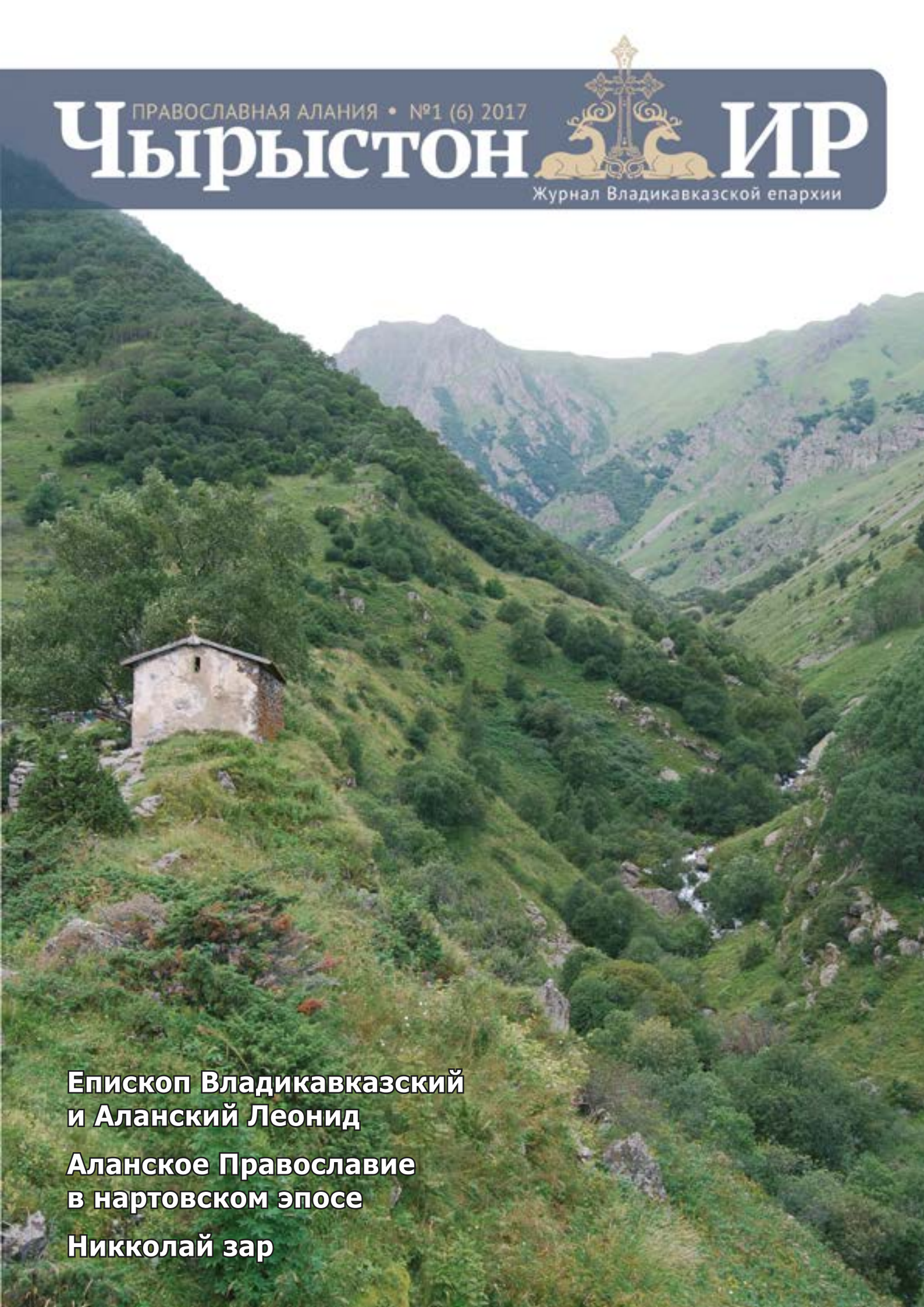
ПРАВОСЛАВНАЯ АЛАНИЯ • №1 (6) 2017

Чырыстон ИР

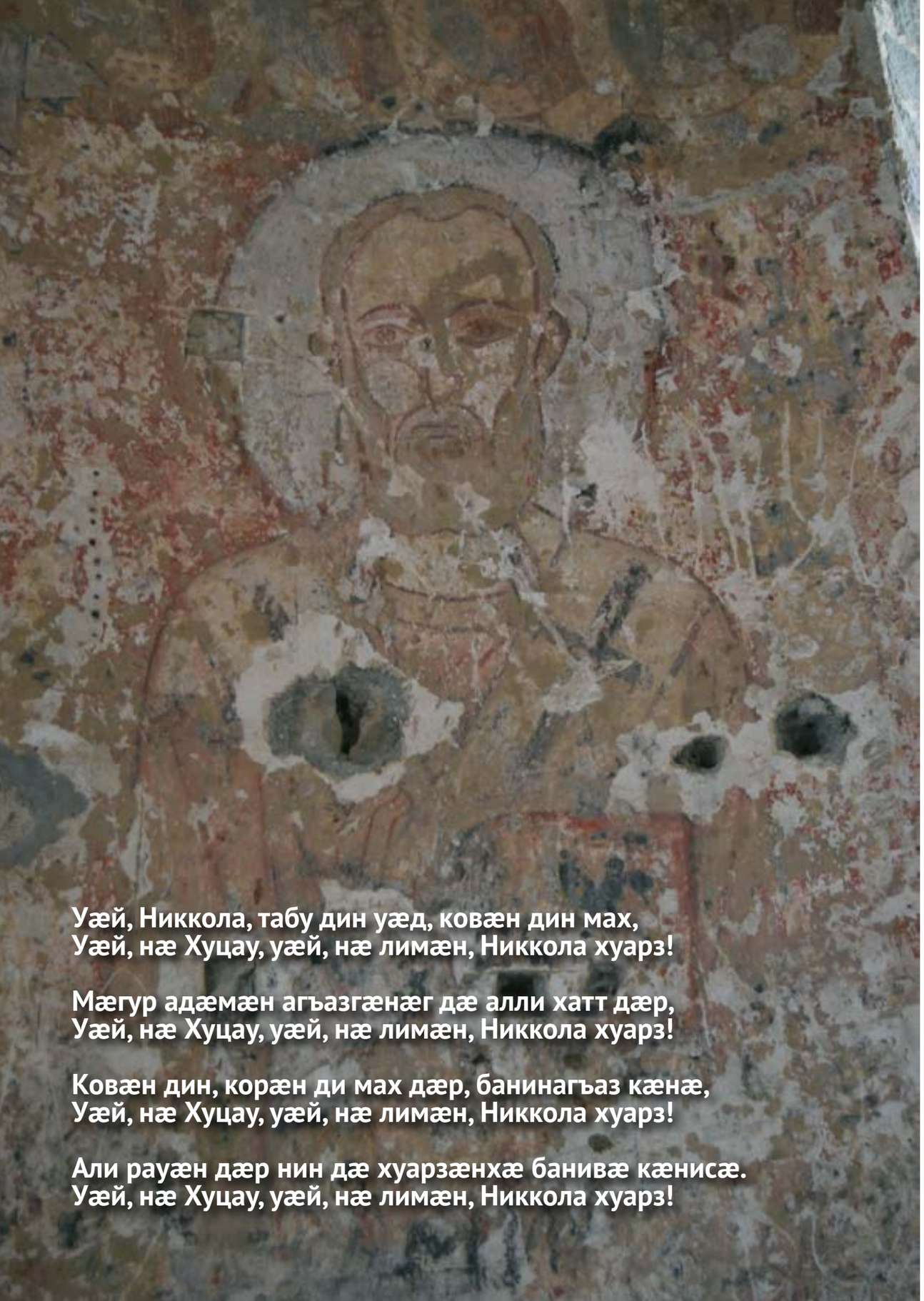
Журнал Владикавказской епархии



Епископ Владикавказский и Аланский Леонид

Аланское Православие в нартовском эпосе

Никколай зар



СОДЕРЖАНИЕ

2 **Интервью**
Епископ Владикавказский и Аланский Леонид
8 **История**
Руслан Бзаров. Об историческом и культурном значении православия в Алании-Осетии
12 **Исторические здания**
Феликс Киреев. Владикавказское духовное училище
14 **Церковное искусство**
Оллана Айларова. Иконография праздника Крещения Господня
18 **История**
Михаил Мамиев. Аланское православие в нартовском эпосе
24 **Искусство**
Виктор Цаллагов. Внутренний мир человека: уловить характер, понять мысли...
Мадина Каряева. Аслан-Гирей Хохов. Два неизвестных рисунка
32 **Этнология**
Ольга Гурциева. Христианские черты в традиционных осетинских молитвах: «Никколай зар»
38 **Литературæ**
Мзокты Аслæнбег. «Хуыцау Чырысти! Нæ дин рох нæ ма бауадз…»
42 **Удварны хæзнатæ**
Уарзиаты Вилен. Чырыстон тæваг ирон удварны
48 **Просто о жизни**
Фатима Дзугкоева. Икка
52 **Райгуырæн бæстæ**
Уæлладжыр
Сæдæ азы фæстæ
56 **Проповедь**
Иерей Игорь Кусов
58 **Ожидание**

1-я страница обложки:
с. Харисджин. Церковь Пресвятой Богородицы (Мад Майрæмы дзуар)
2-я страница обложки:
с. Н. Теберда. Сентинский храм. Николай Чудотворец. Фрагмент фрески
4-я страница обложки:
с. Дагом. Уастырджийы дзуар. Экстерьер

Адрес редакции:
362003, Россия, Республика Северная Осетия-Алания,
г. Владикавказ, ул. Барбашова, 38
Телефон: 8 8672 25 36 43
e-mail: info@blagos.ru

Отпечатано: ИП Харченко Т. В., типография «Лаки Пак»,
г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 112, тел.: (863) 256-77-40
Тираж 750 экз.

Учредитель и издатель:
Владикавказская епархия
Перепечатка любых материалов без письменного согласия издателя запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шеф-редактор
Лаура Мамиева
Редактор
Елизавета Кочиева
Корректор
Иза Кантемирова
Ответственный секретарь
Залина Дзампаева
Дизайн, верстка
Залина Дзампаева, Эдуард Дзуцев
Фото
Феликс Киреев, Михаил Мамиев

Выражаем благодарность за предоставленные фотоматериалы Наталье Николаевне Савадян-Паронян — члену Союза художников России.

«ЦЕРКОВЬ НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЛА О СВОИХ ЧАДАХ»

Епископ Владикавказский и Аланский Леонид

— Владыка, не секрет, что назначение южноамериканского архиерея на Владикавказскую кафедру было весьма неожиданным. Вскоре мы узнали о вашем пастырском служении по окормлению Отдельной воздушно-десантной бригады Ограниченного контингента миротворческих сил в бывшей Югославии, что сразу обеспечило вам определенный кредит доверия не только среди паствы, но и в более широких кругах общественности. Это вполне закономерно, если учесть, с какой надеждой в Алании-Осетии относятся к долгожданному возрождению нашей страны как ведущей мировой державы. Вы не могли бы рассказать и о других страницах вашей биографии?

— Пастырское служение в Отдельной военно-воздушной бригаде ограниченного контингента в Югославии было интересной миссией, одной из моих первых, связанных с военным окормлением. Тогда я был военным священником. А вообще, суммарно, у меня за плечами девятнадцатилетний опыт нахождения за рубежом, с чем и была связана основная часть моих трудов в Русской Православной Церкви. Мы заботились о нашей пастве, которая находится как в кратких, так и длительных командировках, а также о соотечественниках, которые волею Божией осели в ближнем или дальнем зарубежье после первой, второй или третьей волны эмиграции. Мы занимались формированием внешней политики, обеспечением богослужебного процесса за границей — на дальних рубежах нашего Отечества. Русская Православная Церковь никогда не забывала и не намерена забывать о своих чадах. Каждый из этих людей — наш, и они всегда будут находиться в приоритетной заботе нашего священноначалия.

Что касается кредита доверия среди паствы и широкой общественности, то здесь судить, конечно же, не мне. Дело в том, что каждый из священнослужителей нашей Церкви, будь то епископ или священник, понимает, какая ниша или направление ему доверены, и стремится реализовать послушание, возложенное на него Матерью Церковью, которая всегда стояла и будет стоять на интересах нашего народа и всего нашего Отечества. Потому что это наша земля и наши люди. Мы противостоим всевозможным вызовам со стороны мирового закулисья, которые имеют не только агрессивный геополитический, но и разрушительный морально-нравственный характер. Прежде всего это, конечно же, угрозы со стороны ювенального направления, ювенальной юстиции, нетрадиционные подходы к священному браку, ересь о равноправии ЛГБТ и прочих противоестественных сообществ. Отдельно следует сказать о пропаганде и защите распространения абортов. Для нас это основные вызовы, с которыми Русская Православная Церковь всегда будет бороться. Думаю, что это целевая и общая задача не только для православных верующих, но и для всего нашего многоконфессионального общества.

> *Ключевая задача нашей епархии — возрождение аланского Православия, нашей древней исконной традиции, уходящей в глубь веков.*

— Недавнее учреждение Владикавказской епархии, с усвоением правящему архиерею титула «Владикавказский и Аланский», стало не только глубоко символичным актом, но и ознаменовало новый этап, новый уровень присутствия Русской Православной Церкви в Алании-Осетии, который характеризуется закономерным обращением к древнему христианскому прошлому Аланского государства. Какими будут ваши шаги как правящего архиерея для наполнения этого символа реальным содержанием?

— Действительно, присутствие в титуле правящего архиерея нашей епархии именования «Аланский» исторически оправдано, поэтому оно не только символично, но и закономерно. Мы все хорошо знаем, что современная Осетия есть не что иное, как Алания, известная своей древней и славной историей, в том числе христианской. В силу определенных трагических обстоятельств название страны было утрачено вместе с государственностью, а затем вновь обретено вместе с ее восстановлением — теперь уже, Божией милостью, в составе России, нашего многонационального Отечества. На признание этой идентичности на государственном уровне прямо указывает название нашей республики — Северная Осетия-Алания.

Русская Православная Церковь в лице Владикавказской епархии сохраняет эту историческую преемственность. Обратите внимание, что Владикавказ, столица республики и кафедральный город епархии, находится на месте древнего аланского города, существовавшего уже в первые века по Рождестве Христовом. Другими словами, в титуле правящего архиерея заключена живая и незыблемая связь эпох, а стало быть, ключевая задача нашей епархии — возрождение аланского Православия, нашей древней исконной традиции, уходящей в глубь веков.

— В период, предшествовавший учреждению самостоятельной Владикавказской епархии, и в Церкви, и за ее пределами распространились представления о несовместимости осетинской традиционной культуры с православным христианством. Как бы вы ответили обеим сторонам — и тем, кто видит в Церкви угрозу традиционной культуре, и представителям клира, воспринимающим ее как противоречащую Православию? Каким вы видите дальнейшее участие Церкви в сохранении и развитии национальной культуры?

— Не могу согласиться с мнением о несовместимости осетинской традиционной культуры и Православия. Несмотря на то что я недавно занимаю Владикавказскую кафедру, за прошедшие месяцы я постарался максимально расширить свои знания об истории и культуре алан-осетин — причем не только через чтение, просмотр и прослушивание аудио- и видеоматериалов, но и в живом общении с современными носителями этой культуры. Убежден, что Православие давно стало органичной частью традиционной культуры аланского народа. И это неудивительно, если принять во внимание богатую христианскую историю Алании, ее неразрывную связь с великой византийской цивилизацией. Говоря о полутысячелетнем существовании средневековой аланской христианской ▸▸

державы, мы должны понимать, что речь идет о вполне развитом государстве, в границах которого сформировалась и развивалась православная культура. Далеко не всем народам, соприкоснувшимся с христианством, удалось создать или сохранить подобное сокровище. Чрезвычайно важно, что национальная культура, преобразившись под воздействием христианства, не утратила древнейшие элементы, связывающие алан с индоиранским, арийским миром. Яркий пример — куывд, традиционное застолье или, правильнее сказать, коллективное застольное моление, в котором мне уже приходилось участвовать.

Я родился в Ставрополе на улице Коста Хетагурова и давно знаком с творчеством великого поэта, по праву признанного основоположником осетинской художественной литературы. Совершенно неслучайно, что автор «Осетинской лиры», черпавший вдохновение в родной культуре, написал целый цикл стихотворений на православную тематику и великолепную поэму о Христе «Се Человек». Уже здесь, в Алании-Осетии, я познакомился с творчеством еще одного замечательного автора — основоположника осетинской прозы Сека Гадиева. И в своих произведениях, и в своей жизни Сека всегда оставался укорененным в народной традиции человеком, но это никак не мешало ему быть не только глубоко верующим православным христианином, но и церковнослужителем. Давайте вспомним в связи с этим Александра Сергеевича Пушкина. Смог бы его гений реализоваться с такой силой без няни Арины Родионовны, глубоко погрузившей поэта в русскую народную культуру? Очевидно, нет.

К сожалению, глубинная связь христианства и национальной культуры долгое время не принималась во внимание и некоторыми представителями духовенства, которые безосновательно относили к язычеству многие особенности аланской традиции, и частью осетин, лишившихся церковного окормления. Отчасти произошедший разрыв можно объяснить гонениями, которые обрушились на Церковь в советское время. Сказались такие факторы, как закрытие монастырей и храмов, почти полная ликвидация духовенства, в том числе осетинского, планомерная изоляция Церкви от общества, — поэтому неудивительно, что появились и вышеуказанные оценки, тем более что они соответствовали идеологизированным выводам советских ученых.

> *Православие давно стало органичной частью традиционной культуры аланского народа.*

Слава Богу, и Церковь, и наука преодолевают этот системный кризис практически синхронно. Полностью поддерживаю позицию известного этнолога Т. К. Салбиева, который в своем интервью, опубликованном в последнем номере нашего журнала, сказал буквально следующее: «Ни одна из важнейших проблем, стоящих теперь перед исследователем осетинской духовной традиции, не может быть решена без учета ее взаимодействия с христианством».

Церковь не может существовать вне культурной среды, без активного взаимодействия с ней. С другой стороны, возрождение Православия становится в наши дни важнейшей гарантией сохранения национальной идентичности. Активное взаимодействие христианства с древней традицией стимулировало внутреннее развитие, основанное на принятии истинных, Богом данных ценностей. Отказ от них неизбежно ведет к деградации, вырождению вполне состоявшихся обществ, что мы и наблюдаем со скорбью на примере экономически сверхразвитых стран.

— Владыка, с вашим назначением обозначился особый интерес Церкви к сохранению памятников культурного наследия нашей республики. Активизировалась реализация целого ряда проектов. В первую очередь это касается спасения Нузальского и Зругского храмов. Можно с удовлетворением отметить, что наиболее успешные и научно обоснованные проекты восстановления культурных объектов осуществляются именно с участием Церкви. Достаточно назвать комплекс исторической архиерейской резиденции, а также храмы в селениях Мизур и Старый Батако. Планирует ли Епархия содействовать сохранению и других исторических памятников, не связанных напрямую с религией?

— Вне всякого сомнения, Аланию можно назвать сокровищницей памятников средневекового церковного зодчества, и мы со всей серьезностью подходим к решению вопроса о сохранении этого богатейшего наследия. Древлехранителем епархии является Л. Р. Габоева, замечательный профессионал, директор государственной организации «Наследие Алании». Мы активно сотрудничаем с Комитетом по охране и использованию объектов культурного наследия и Министерством культуры республики, а также ведущими специалистами, занятыми в данной области, — архитекторами, реставраторами, историками.

Не останавливаясь на деталях реализации конкретных проектов, скажу о принципиальной позиции Русской Православной Церкви в лице нашей епархии в вопросе сохранения культурного наследия. Дошедшие до нас памятники являют зримую связь с прошлым, без которого, как известно, не может быть будущего. Утрата памятников ведет к отмиранию корневой системы, питающей народ. А если это произойдет, то в условиях все убыстряющейся квазикультурной агрессии мы неизбежно сорвемся в губительную пропасть глобализации.

Вот почему Церковь заинтересована в сохранении не только памятников христианской культуры. Башни, крепости, развалины горных сел — все многообразие создававшегося веками культурного ландшафта, плоды творчества десятков поколений, передававших в камне многие грани живой культуры своего народа — должны быть бережно переданы нашим потомкам. А камень, как известно, — символ вечности.

У нас есть что предложить обществу для спасения всего этого наследия. При содействии Церкви на серьезном научном уровне разрабатываются предложения, касающиеся учета памятников, технологии их восстановления, подготовки профессиональных кадров.

> *Аланию можно назвать сокровищницей памятников средневекового церковного зодчества, и мы со всей серьезностью подходим к решению вопроса о сохранении этого богатейшего наследия.*

— Владыка, вот уже несколько лет ведется работа по возрождению аланского богослужения. Очевидно, что это не только важнейшее направление миссионерской деятельности, но и ключевое средство сохранения и развития аланского, осетинского, языка. Какие практические шаги намечаются в этом направлении?

— Разумеется, мы обязаны продолжить работу, начавшуюся еще в XIX столетии, но, к несчастью, прерванную после переворота 1917 года. Она возобновилась в последние десятилетия. Это важно и для Церкви, ведь Евангелие изначально было обращено ко всем народам на понятных, доступных для людей языках — арамейском, греческом, латинском, а вскоре еще и на сирийском, коптском, армянском и многих других. Это важно и для всего народа Осетии — ведь не секрет, что число говорящих по-осетински продолжает снижаться и, что не менее тревожно, сужается область применения языка, на котором был сложен один из величайших эпосов мира, были написаны многие великолепные произведения художественной литературы.

Я неоднократно встречался со всеми участниками группы, трудившейся в последние годы над переводом молитвослова, Литургии и других последований. Принято решение придать ей статус постоянно действующей Епархиальной комиссии по переводу Священного Писания и богослужебных текстов. Состав комиссии и план работы на ближайшие годы будут утверждены на очередном заседании Епархиального совета.

Священнослужителям епархии, владеющим осетинским языком, поручено высказать замечания к осетинскому тексту Божественной литургии, который был опубликован в 2015 году. На этом основании будут выработаны рекомендации по дальнейшему совершенствованию перевода. Накопленный опыт будет учитываться также в работе над чинопоследованиями крещения, венчания, отпевания и др.

Особую актуальность приобретает взаимодействие с нашими специалистами в области церковного пения, которые успешно перелагают осетинские молитвословия на музыку. И, конечно, нужно готовить священно- и церковнослужителей, которые могли бы совершать на должном уровне богослужения на родном языке.

Завершается многолетний труд по созданию полной осетинской Библии — в настоящее время переведены все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, подготовка текста к изданию ведется совместно Российским библейским обществом и Институтом перевода Библии. Все наше богослужение основано на Священном Писании, и очень важно, чтобы новый перевод зазвучал в полную силу и в стенах православных храмов. Предпосылки для этого есть — многие из тех, кто работает над переводом Священного Писания, активно участвуют и в деятельности епархиальной переводческой группы.

Полный перевод Библии на осетинский язык, корпус основных богослужебных последований, словарь религиозной терминологии — надеюсь, что с Божией помощью все это появится в течение ближайших нескольких лет.

— Какие задачи вы ставите перед священнослужителями и монашествующими Владикавказской епархии? Связано ли это со становлением и развитием осетинского духовенства? Вы не могли бы рассказать о планах по развитию системы богословского образования в Алании-Осетии?

— Для меня очевидно, что любой священник обязан учиться всю жизнь. Поэтому нам необходимо создать, говоря светским языком, систему регулярного повышения квалификации для всех священнослужителей и монашествующих епархии. Уже достигнута договоренность с руководством Северо-Осетинского государственного университета, в настоящее время экспертные группы разрабатывают соответствующие программы, организованные по модульному принципу, — история, богословие, филология и смежные дисциплины. Надеюсь, уже с февраля 2017 года на базе головного вуза республики начнутся лекции и практические занятия, которые посетят все шестьдесят клириков Владикавказской епархии. К преподавательской деятельности будут приглашены ведущие специалисты нашей республики, а также из крупных академических центров России.

Все наше богослужение основано на Священном Писании, и очень важно, чтобы новый перевод зазвучал в полную силу и в стенах православных храмов.

В наших планах — создание в университете полноценной кафедры теологии. Над этим уже работают совместно представители епархии и СОГУ.

Школа, в том числе высшая, и Церковь — не враги, как нас пытались, да и сейчас пытаются, убедить определенные силы, а стратегические союзники. Мы не меньше светских ученых и педагогов заинтересованы в подготовке высокообразованных и мотивированных граждан нашей страны. А может ли образованный человек ничего не знать о религии, о духовной культуре, прежде всего, своего родного народа? Символом этого стратегического союза призван стать Музей духовной культуры, который предполагается развернуть в стенах исторического домового храма XIX века, сохранившегося в университетском корпусе на улице Маркуса.

— Несмотря на то что в настоящее время Алания-Осетия разделена государственной границей, для нас она едина. Это наша Родина, с одной для всех нас историей и культурой. На юге Алании-Осетии сложилась православная община со своими пастырями, а государственной религией Республики Южная Осетия является, согласно ее Конституции, Православие. Как вы намерены строить отношения с православными юга Алании-Осетии?

— Единство Алании-Осетии не подлежит сомнению. Разделенность народа Большим Кавказским хребтом и государственной границей никак не влияет на внутреннее единство. Гораздо важнее такие факторы, как язык, культура, религиозная традиция, историческая судьба.

Несмотря на известные трудности, мы уже сейчас поддерживаем добрый диалог по целому ряду вопросов, в том числе связанных с сохранением памятников историко-культурного наследия, которые во множестве представлены на земле Южной Осетии, переводом Священного Писания и богослужебных текстов и многими другими. Я регулярно общаюсь со многими жителями Южной Осетии и знаю, как тяжело переживают проблемы церковно-канонического характера в этой республике, где Православие исповедуют практически 100% населения.

Хотя границы нашей епархии охватывают территорию только Северной Осетии, мы не можем быть равнодушны к проблеме духовного окормления наших единоверных и единокровных братьев и сестер, к тому же полноправных граждан нашей страны. Мы должны молиться и продолжать диалог, а Господь поможет нам найти наилучший выход, чтобы Церковь Христова утверждалась и на юге Алании.

— Церковное предание повествует об апостольской проповеди в Алании, аланские православные храмы известны как древнейшие на всей территории России, за исключением вновь обретенного Крыма. Аланская епархия и аланское христианское государство существовали с начала X века. Православные христиане и многие другие жители Алании-Осетии надеются на масштабное празднование 1100-летия Крещения Алании с участием Святейшего Патриарха. В чем, на ваш взгляд, должна заключаться подготовка к этому юбилею и какова главная цель празднования?

— Действительно, Алания стала первым христианским государством в границах современной Российской Федерации. Здесь, по преданию, проповедовал Андрей Первозванный; аланские цари, по письменным источникам, принимали христианство еще в VIII веке, т. е. за полтора века до официального Крещения Алании. Уже в X веке статус Аланской архиепископии повышается до митрополии. Можно привести и многие другие факты, указывающие на древность христианского присутствия в Алании. Но дело не только в древности. Мы ведь знаем и об исчезнувших христианских государствах Кавказа, и о народах, отказавшихся от православной веры. Поэтому для нас главное — не только память о прошлом, но и неразрывная культурно-историческая связь событий далекого X века с настоящим. Крещение коснулось не только элиты Аланского государства — христианство было воспринято всеми слоями общества и навсегда преобразило национальную культуру, явив миру удивительный феномен аланского Православия.

Крещение коснулось не только элиты Аланского государства — христианство было воспринято всеми слоями общества и навсегда преобразило национальную культуру, явив миру удивительный феномен аланского Православия.

Надежно подтверждено существование аланской письменности на основе греческого алфавита. По мнению видного нидерландского ученого Александра Лубоцкого, автора специальной монографии, посвященной этому вопросу, в недалеком будущем следует ожидать обнаружения новых памятников аланского письма. Между прочим, одна из первых русскоязычных рецензий на эту работу была опубликована на страницах нашего епархиального журнала.

Итак, подготовка к юбилею Крещения Алании заключается прежде всего в возвращении к живой христианской традиции, которая, слава Богу, не утеряна. А само празднование должно стать демонстрацией нашего духовного сокровища — возрожденного аланского Православия, замечательного синтеза христианской ортодоксии и древней традиционной культуры. И мы все очень ждем для участия в праздновании нашего Святейшего Патриарха, присутствие которого отвечает значению и масштабу готовящегося юбилея.

Беседовала Лаура Мамиева

Руслан Бзаров

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ В АЛАНИИ-ОСЕТИИ

Доклад, прочитанный на V Свято-Георгиевских чтениях «Православие. Этнос. Культура» 24 ноября 2016 г.

Ни изложить сложную историю православия в Алании-Осетии, ни войти во все детали ее православной культуры, конечно, невозможно в коротком сообщении. Я позволю себе лишь обратить внимание читателя на важные исторические этапы и культурные особенности аланской православной традиции.

Прежде всего необходимо вспомнить о том, что православие было собственным (можно даже сказать, суверенным) и не только религиозным выбором. В культурно-историческом смысле это был максимально широкий — цивилизационный выбор аланского общества и государства. Этот выбор, совершенный более тысячи лет назад, с той поры был многократно подтвержден и никогда не менялся.

Принятие христианства носителями определенной этнокультурной традиции всегда означает некоторый уровень адаптации понятийно-терминологического аппарата и даже вероучительной системы к существующим в этом конкретном обществе религиозным представлениям, прежде всего к особенностям и уровню зрелости религиозного сознания. Однако, в отличие от начальных катехизических текстов и ритуально-обрядовой стороны религиозной практики, где в той или иной мере возможен т. н. «культурный перевод», адаптация в области вероучения должна остановиться на пороге «культурного перевода». В противном случае неизбежна духовная деградация, которая по умолчанию будет опираться на саму принципиальную возможность волюнтаристского реформирования — сначала во имя «понимания» заблудшими душами, затем для их предполагаемого «удобства» и, наконец, в русле их бытовых представлений, объединяющих неофитов с окружающей (хорошо, если не слишком примитивной в религиозном смысле) средой.

Совершив подобную ошибку, христианская община обречена на конформизм во всех духовных и социальных проявлениях, а значит, не может рассчитывать на постоянное пополнение и развитие. В лучшем случае ее ждет судьба экзотического кружка добрых людей, объясняющих свой религиозный выбор особыми жизненными обстоятельствами и видящих в церкви нечто вроде «духовного собеса».

Единственный конструктивный путь, на котором выросли подлинные национальные традиции православия, предполагает не только полное и ответственное следование учению Христа, но и совмещение открытой проповеди с бескомпромиссным осмыслением и настоятельным реформированием национальной жизни. Именно конструирование собственной национальной жизни и культуры, опирающейся на идеальный образ нравственного человека и коллективную цель общественной гармонии, превратили христианство из иудейской секты в веру государств и народов, великую мировую религию, способную противостоять злу, пороку и мракобесию.

Таков, несомненно, был и аланский путь — от апостольской проповеди первого столетия новой эры через собственных мучеников и подвижников к постепенному росту христианских общин во второй половине первого тысячелетия и государственному воцерковлению начала X в., которое включило Аланию в пространство восточнохристианской (византийской) цивилизации.

Несомненно, важнейшим достижением культуры, неотрывным от христианизации, должна быть названа средневековая аланская письменность. В Житии св. Кирилла, создателя славянского алфавита, аланы называются среди народов, уже «имеющих письменность и славящих Бога на своем родном языке». Из числа обнаруженных письменных памятников наиболее известна Зеленчукская надпись XI в., а окончательные выводы о характере средневекового письма позволила сделать найденная не так давно византийская богослужебная книга XIV в., принадлежавшая аланскому священнику. На полях рукописной книги ее хозяин сделал заметки на родном языке, которые не оставляют сомнения в существовании хорошо разработанной аланской церковной терминологии.

Военно-политические потрясения XIII–XIV вв. обернулись для Алании демографической катастрофой, разрушением государственности и церковной организации. Кафедра аланских митрополитов еще некоторое время просуществовала за пределами страны, последнее упоминание Аланской епархии относится к 1590 г.

С XV в. территория страны ограничивалась горными ущельями Центрального Кавказа, и каноническое православие удерживало свое влияние только в южных районах Алании, доступных для грузинских священников, но их деятельность, связанная с интересами иноземной знати, не имела большого успеха.

Отсутствие церковной организации отнюдь не поколебало уверенности народа в своем православии, что и засвидетельствовала Осетинская духовная комиссия, въехавшая в горы в 1745 г. Именно с этой миссионерской организацией, созданной Синодом, связана история установления русско-осетинских отношений и внушительное описание — фактически создание подробной карты — православных храмов и реликвий горной Осетии.

В этом контексте всегда встает вопрос о соотношении дохристианской религиозной традиции и православия. Осетинское религиозное сознание отличается последовательным монотеизмом. Насколько можно судить, синкретическая традиция, уходящая корнями в индоиранскую древность, была единобожной к моменту распространения христианства, легко ▸▸

адаптировалась к государственному православию и потому продолжала существовать.

В XVIII в. путем присоединения к России в Алании-Осетии были возрождены церковь и государственное управление. При этом единоверие воспринималось как духовная гарантия государственного единства с Россией, основа культурного развития и просвещения. Обращаясь в 1750 г. к Сенату, осетинские послы заявили, что они сами «и весь осетинской народ желают быть в подданстве Ея Императорскаго Величества и […] все склонны к вере христианской».

История народного образования в Осетии нового времени начинается с Моздокской школы, учрежденной по императорскому указу от 27 сентября 1764 г. Первая осетинская школа была православной. В инструкции Святейшего Синода специально подчеркивалось: нужно «стараться, чтобы ученики этой школы никогда не забывали своего природного языка». Моздокская школа сыграла значительную роль в культурной жизни Осетии, дав толчок дальнейшему развитию национального просвещения, в том числе восстановлению письменности.

По благословению моздокского епископа Гая священник Павел Кесаев разработал систему осетинского письма на основе церковнославянской графики. Первопечатная осетинская книга — краткий катехизис — вышла в Москве в 1798 г.

Приоритет кириллицы был предопределен российским политическим и цивилизационным выбором, который уже состоялся и оказался понят и принят народом. Целями социального и культурного развития Осетии руководствовалась национальная элита и присоединившийся к ее мнению академик А. Шёгрен, разработавший светский вариант алфавита и научную грамматику.

Между прочим, и окончательный выбор кириллицы был организационно закреплен в 1835 г. в ходе создания Владикавказского духовного училища, главной целью которого была объявлена подготовка священнослужителей для осетинских приходов.

Письменная традиция, восстановленная после четырехвекового перерыва, стала важнейшей основой самосознания. Структурная неполнота осетинской культуры первой половины XIX в. (отсутствие в ней профессиональных светских слоев) выдвинула на первый план церковные тексты, вслед за которыми шли созданные священниками учебники, и лишь затем следовали публикации фольклора и первые художественные переводы — и здесь участие православной интеллигенции было решающим.

Превалирование духовной литературы, характерное для первых десятилетий Осетинского национального возрождения, удачно дополнило этнодифференцирующие функции православия. Окруженные на Северном Кавказе соседями-мусульманами, в Закавказье осетины обособились от грузин-христиан, создавая собственную книжную культуру, которая к тому же позволила перевести на родной язык богослужение — это произошло в 1861 г.

С конца XVIII в. параллельно развитию российской администрации складывалась структура церковных учреждений в Осетии. После присоединения к России Осетия находилась под управлением Астраханского епископа. После присоединения Грузии и учреждения в составе Русской православной церкви Грузинского

экзархата туда была передана и территория Осетии. К 40-м гг. XIX в. сформировалось благочиние, а в 50-е было создано управление осетинскими приходами. 1875 г. отмечен выделением Владикавказского викариатства, взамен которого в 1885 г. была учреждена самостоятельная епархия, выведенная в 1894 г. из состава Грузинского экзархата. Владикавказская епархия просуществовала до 1922 г. После восстановления территориальной структуры Русской православной церкви Северная Осетия вошла в Ставропольскую и Бакинскую епархию, с 1998 г. входила в Ставропольскую и Владикавказскую епархию, с 2011 г. — во Владикавказскую и Махачкалинскую епархию. Наконец, с 22 декабря 2012 г. существует территориально совпадающая с нашей республикой Владикавказская епархия с титулом правящего архиерея «Владикавказский и Аланский».

> ***Православие – цивилизационный выбор аланского общества и государства. Этот выбор, совершенный более тысячи лет назад был многократно подтвержден и никогда не менялся.***

Воссозданием Владикавказской и — по титулу правящего архиерея — Аланской епархии Русская православная церковь на наших глазах завершает процедуру воцерковления христианской Осетии, начатую в середине XVIII в. с организации Осетинской духовной комиссии. Тем самым Алания, которая некогда вместе с государственностью утратила собственную митрополию Константинопольского патриархата, наконец восстановлена Московским патриархатом в исконных церковных правах, как в правах государственных была восстановлена присоединением к России.

Рискну предположить, что самой убедительной формой изложения была бы история аланского православия в лицах или в ключевых сюжетах. Можно начать с христианских царей и первых епископов, а затем митрополитов Аланской епархии X и XI вв.

Нужно вспомнить венгерского монаха Юлиана, побывавшего в Алании в период анархии и междоусобиц первой трети XIII в., — по его словам, уважение к христианской религии и ее символам было столь велико, что «достаточно укрепить изображение креста на конце шеста с хоругвию и, подняв его, нести; это позволяет им во всякое время идти в полной безопасности».

Следующий сюжет относится ко второй половине XIII — середине XIV в.: тридцатитысячная аланская гвардия при монгольских императорах Китая. Их вероисповедание зафиксировано в надежных китайских и европейских источниках — они были христиане.

Христианами были: великий герой и последний известный нам правитель Алании рубежа XIII–XIV вв. Ос-Багатар, память которого увековечена Нузальским храмом; герой исторических преданий христианин Хетаг, укрывшийся от преследующих врагов в священной роще и основавший в аланских горах многочисленную и влиятельную Нарскую общину; ученый монах Петр-Парфений, в первой половине XVIII в. основавший в Дигории «апостольскую» школу христианских подвижников.

Зураб Магкаев и все остальные члены Аланского посольства в Петербурге — православные дипломаты, представившие в середине XVIII в. программу присоединения к Российской империи.

Хорошо известна роль образованного священства в культурном перевороте середины и второй половины XIX в. Реже вспоминают о неоспоримом православном факторе Национального возрождения конца XIX — начала XX в. Здесь достаточно указать на воцерковленность культурных и общественных лидеров национального движения Коста Хетагурова и Гаппо Баева.

Завершая краткий перечень возможных образов и сюжетов, вспомним массовую революционность осетинских священников, твердо вставших на сторону крестьянства в годы русских революций начала XX в.

Алания-Осетия — действительно древняя и самобытная страна межрелигиозного согласия и многоконфессиональной гармонии. Культурно-исторический, социально-политический баланс между различными религиозными традициями достигнут давно, как и основы нашей многоэтничности и поликультурности. Однако это не отменяет непреложного факта: Алания-Осетия — подлинно христианская земля. По опросам, до 85% населения называют себя верующими, из них не менее двух третей — православными. Значение православия в общественно-политической жизни современной Осетии — отнюдь не только религиозная, но важная социокультурная и этнополитическая проблема. Место Русской православной церкви в жизни Осетии всегда определялось и может определяться впредь только вниманием и уважением к жизненным нуждам, культурным традициям, языку и письменности одного из древнейших христианских народов Российской Федерации — впрочем, в этом ее ответственном следовании собственной социальной доктрине уже нет и не может быть сомнения.

Феликс Киреев

ВЛАДИКАВКАЗСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ

В 1887 году по инициативе Преосвященного епископа Владикавказского Владимира (Сеньковского) из Моздока во Владикавказ было переведено духовное училище. Это учебное заведение было основано в 1834 году в Моздоке и долгое время служило не только проводником православия в крае, но и одним из основных очагов культуры и распространения грамотности среди местного населения.

Так как к этому времени Моздок уже утратил свой былой статус важного административного центра на Тереке, а значимость Владикавказа, который на глазах становился главным в Терской области городом, все возрастала, то назрела необходимость перевести духовное училище сюда.

Для нужд училища за 2 тысячи рублей было куплено здание на углу улиц Воронцовской и Георгиевской (ныне Бутырина и Бородинская), принадлежавшее Еникалову, бывшему адъютанту начальника Терской области генерала М. Т. Лорис-Меликова, и построенное руками строителей-персов в 1871 году.

В первое время училище размещалось в доме Мамулова на улице Вревской (ныне Армянская), так как в доме Еникалова, согласно договору, находилось областное правление. Кроме того, это здание было слишком мало и не удовлетворяло в полной мере нуждам училища, поэтому рядом с ним началось строительство нового корпуса.

В 1895 году строительство нового здания было завершено. В нем разместились учебные классы, зал, столовая, библиотека, канцелярия, учительская и квартиры трех преподавателей, а в старом корпусе — спальни и квартиры смотрителя училища и его помощника. В здании училища была также домовая церковь — святых Кирилла и Мефодия.

С 1 января 1896 года Владикавказское духовное училище перешло из дома Мамулова в новое

помещение. 13 января состоялось торжественное открытие.

Освящение здания было совершено епископом Владимиром при сослужении протоиерея кафедрального собора И. Беляева, ключаря П. Оболенского и священников А. Богоявленского и Д. Беляева. Присутствовали представители городской администрации и учебных заведений.

После освящения архиерей обратился к воспитанникам с отеческим словом, в котором, указывая на заботливость о них духовенства, архипастырски наставлял их отблагодарить его за это своими успехами и благонравием.

Владикавказское духовное училище представляло собой низшее учебное заведение для первоначального образования и подготовления детей к служению православной церкви. Оно состояло из четырех классов с годичным курсом обучения

Бывшее здание Владикавказского духовного училища, ныне юридический факультет СОГУ им. К. Л. Хетагурова

Выпуск училища 1913 г.

в каждом и одного приготовительного класса. В училище принимались дети всех сословий православного исповедания, причем дети духовенства зачислялись бесплатно, а все остальные платили 35 рублей в год.

В приготовительный класс принимались дети от 9 до 11 лет включительно, обученные читать по-славянски, знающие общеупотребительные молитвы и умеющие считать до 100. В первый класс зачислялись дети от 10 до 12 лет, знающие, кроме того, символ веры, заповеди, первые два действия арифметики и таблицу умножения.

Окончившие с успехом полный курс училища без экзаменов переводились в духовную семинарию, а при поступлении на государственную службу имели право на производство в первый классный чин без испытания.

На рубеже XIX–XX веков преподавательский состав учебного заведения был следующий: смотритель училища кандидат богословия иеромонах Никодим, его помощник статский советник Андрей Василевский, учителя Нестор Пхакадзе, Василий Иванов, Димитрий Давыдов, Владимир Леонидов, Алексей Оболенский, Феодосий Пасько, надзиратель и учитель пения Иван Рясин, второй надзиратель Иван Киструсский, врач Василий Городновский.

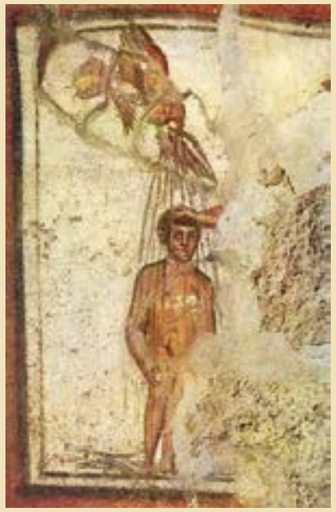
К 1915 году начальствующий состав училища поменялся. Смотрителем училища стал протоиерей Александр Семенович Нефедьев, его помощником — Григорий Витвицкий, преподавателями были: арифметики и географии — Нестор Пхакадзе, греческого языка и истории — Александр Хильтов, русского и церковнославянского языков — Ананий Боярский, природоведения (и он же — училищный врач) — Павел Сорочинский, пения и музыки — Мелитон Кухианидзе, чистописания, гимнастики и черчения — Сергей Крылов, немецкого языка — Вячеслав Ясенский. Учителем приготовительного класса был Николай Кривошеев, надзирателем — Иван Ляликов. Почетным блюстителем по хозяйственной части являлся купец Василий Сергеев, а экономом и письмоводителем — диакон Прохор Романов.

Говоря о воспитанниках училища, нельзя не отметить, что здесь учились дети большинства священнослужителей Владикавказской епархии: Михаил Накусов, Евграф, Владимир и Александр Церетели, Александр Токаев, Георгий Агладзе, Яков и Сергей Бабиевы, Александр и Михаил Орлинские, Александр Богоявленский, Валентин Космиади, Михаил и Николай Гадиевы, Петр Кардашевский и многие другие. Не все они в дальнейшем стали священниками. Например, Михаил (Цомак) Гадиев — известный поэт, государственный и научный деятель, Петр Кардашевский и Сергей Бабиевы стали офицерами, кто-то выбрал профессию учителя, но все они относятся к славной плеяде выпускников Владикавказского духовного училища.

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО

Оллана Айларова, иконописец

ИКОНОГРАФИЯ ПРАЗДНИКА КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ



Фреска римских катакомб. III в.

Начало празднования Крещения Господня восходит ко временам апостольским. В Постановлениях Апостольских говорится: «Богоявления праздник да празднуют, понеже в тот день бысть явление Христова Божества». Первоначально, до IV века, Богоявление праздновалось вместе с Рождеством Христовым как единое торжество, чествующее Воплощение Господа и начало Его земного Домостроительства.

Первое изображение на тему Крещения было создано в римских катакомбах в III веке, когда празднование Рождества и Крещения еще составляли единое торжество. Образы Богоявления запечатлевали не только Крещение Спасителя от Иоанна Предтечи, но прежде всего явление миру воплотившегося Сына Божия как Одного из Лиц Святой Троицы.

Главное место в иконографии Богоявления занимают фигуры Спасителя и св. Иоанна Предтечи, возлагающего десницу на голову Христа. В гимнографии праздника, как и в иконах, подчеркивается тема принятия Господом Крещения от Своего раба: «…како руку положит раб на Владыку? Освяти мене и воды, Спасе, вземляй мира грех», — поется в тропаре на водоосвящение. Рядом с фигурой Предтечи иконописцы часто изображают дерево, у основания которого лежит полукруглый топорик, напоминающий призыв Иоанна Предтечи к покаянию: «Уже и секира при корне дерев лежит, всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф 3: 10).

В ранних иконографиях Богоявления Христос изображается безбородым юношей. Такая трактовка образа, подчеркивающая молодость, передавала идею вечности Божества. Но в дальнейшем, в соответствии с церковным преданием, распространение получило изображение Христа «в зрелых летах», каким он был в момент Своего Крещения. На многих иконах Крещения Христос изображается полностью обнаженным, как Адам в раю до грехопадения. Тем самым подчеркивается, что Христос — новый Адам, безгрешный Богочеловек, пришедший спасти падшее человечество. Позже появляются иконы, на которых Христос препоясан набедренной повязкой.

Поза Христа в композициях Крещения бывает различна. В более древних иконографиях Его фигура представлена строго фронтально. В дальнейшем становится распространенным изображение Христа в легком развороте и в движении: Христос как будто делает шаг в сторону берега, в соответствии с евангельским текстом, в котором говорится, что, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды. Почти на всех иконах Крещения Христос изображен с благословляющим жестом. В некоторых иконографиях слева от фигуры Христа отмечается изображение креста, начертанного на воде, — знак освящения мировых вод.

Иконография Крещения Господня главным образом опирается на евангельское повествование. Но для составления более полного представления о событии иконописцы часто прибегали к апокрифам. Так, несмотря на то что в Евангелии ничего не говорится о присутствии ангелов при Крещении Господнем, их фигуры в композиции Крещения присутствуют всегда — они стоят на правом берегу и протягивают Христу покровы, подобно восприемникам. Число ангелов может различаться, но чаще всего их бывает трое.

Вверху, над головой Христа, просматривается сегмент неба, из которого на Крещающегося нисходят Святой Дух в виде голубя и лучи божественного света.

Икона. XIV в. Македония. Охрид. Галерея икон ▸▸

Миниатюра. XIV в. Византийский минологий

Тем самым акцентируется момент явления Божества, теофании. В некоторых композициях Крещения из сегмента показывается благословляющая десница Всевышнего, — так изображается в иконографии глас с небес, свидетельствующий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф 3: 17).

Начиная с XVI века в русских иконах в сегменте неба появляется фигура Господа Саваофа, вопреки постановлению Стоглавого собора. Такие изображения являются неканоничными, ибо «Бога не видел никто никогда» (Ин 1: 18).

Двустороняя икона-таблетка. XV в.
Сергиево-Посадский музей

Прочно усвоились в иконописи некоторые приемы, заимствованные из античной культуры. Так, уже в ранних композициях Крещения появляются персонифицированные фигурки: река Иордан в виде седовласого старца, сидящего в воде, и женская фигурка Моря, уплывающая на большой рыбе (в древнегреческом языке слово «река» — мужского рода, а «море» — женского). Эти изображения были навеяны стихами псалма: «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять» (Пс 113: 3). Здесь имеется в виду ветхозаветный переход евреев через Красное море и пророческое указание на новозаветное Крещение Господа Иисуса Христа в водах Иордана.

В некоторых иконографиях Крещения, помимо главных персонажей, могут присутствовать апостолы Андрей и Петр. По свидетельству евангелиста Иоанна, Андрей впервые увидел Спасителя, когда Предтеча указал на Него со словами: «Се Агнец Божий, вземляй грехи мира». Тогда Андрей последовал за Христом, а затем привел и брата своего Петра. Иконописец, изображая первых апостолов в композиции Крещения, стремится придать ей историчность.

Встречаются и еще более повествовательные иконографии Крещения. Так, например, на иконе XIV века, из собрания Национального музея в Белграде, на вершинах горок помещены две небольшие полуобнаженные фигурки. В руках они держат сосуды, из которых льется вода. Это персонификации водных источников Иора и Дана, при слиянии которых, согласно преданиям, образовался Иордан. Впереди по обоим берегам расположились толпы людей, пришедших послушать проповедь Иоанна Предтечи и желающих принять крещение, притом некоторые из них уже ныряют в реку. Иконописцы намеренно уменьшают эти фигуры, показывая с помощью масштаба их второстепенность.

Икона. XVI в. Венеция.
Музей Греческого института

Миниатюра. X в. Минологий Василия II

Некоторые иконописцы, по-видимому, задаются целью придать дополнительную торжественность событию, изображая пестрых рыбок, которые радостным хороводом окружают ноги Спасителя в реке. Глядя на них, вспоминаются слова 150-го псалма: «Всякое дыхание да хвалит Господа». Через эту маленькую деталь иконописцы желают, несомненно, подчеркнуть, что именно Он — Творец всего сущего.

Икона. XIV в. Белград. Национальный музей

Фрагмент темплона. XIV в. Синай. Монастырь Св. Екатерины

Михаил Мамиев

АЛАНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ

Нарт Батраз. *Художник А. Джанаев*

Согласно церковной традиции история христианства в Алании восходит ко временам апостольской проповеди, которая прозвучала здесь из уст Андрея Первозванного и Симона Кананита. В течение последующих веков учение Христа было так или иначе представлено в аланской среде, и, укореняясь со временем, оно в итоге было воспринято на уровне общества и государства. Все это время в Алании, конечно же, существовала древняя и вполне жизнеспособная религиозная система, о которой мы теперь мало что знаем. Сохранившаяся научная информация весьма фрагментарна, но в отдельных своих проявлениях она фиксируется на всех этапах истории аланского общества.

Глубина взаимосвязи православия с древними мифологическими представлениями в аланском (осетинском) народном сознании хорошо известна. В свое время это сложное, но очень органичное переплетение элементов двух мировоззренческих систем было ошибочно определено как поверхностная христианизация аланского общества. Наглядной иллюстрацией к сказанному может послужить известное сказание «Смерть Батраза» из нартовского эпоса алан-осетин. Это замечательное произведение неоднократно приводилось в научной литературе для подтверждения насаждения христианства в аланском обществе. Но так ли это? Для ответа нам следует обратиться к содержанию сказания и попытаться разобраться в его действительном смысле.

Как и любое фольклорное произведение, героический эпос имеет свои законы жанрового построения, принципы формирования содержания и т. д. Он является результатом длительного мифопоэтического творчества, создающего сюжетно связанные между собой сказания со своими принципами шифрования заложенного в них смысла. Задача исследователя заключается в том, чтобы, опираясь на научные знания и используя научные методы, попытаться расшифровать дошедшую до нас информацию.

Одним из первых ученых, попробовавших определить внутренний смысл сказания «Смерть Батраза», был выдающийся лингвист В. И. Абаев. В своей статье «Историческое в нартовском эпосе» он писал: «Своеобразное преломление получили в эпосе отношения алан с Византией и принятие христианства. Языческий герой Батрадз вступает в борьбу с христианским Богом и его ангелами, но погибает в этой борьбе. Однако и после смерти он продолжал сопротивляться: он не дает водворить свое тело в “Склеп Софии” (*Софиайы зæппадз*). Здесь под “склепом Софии” надо понимать, конечно, храм св. Софии в Константинополе, символ византийского православия. Сопротивление Батрадза символизирует борьбу, которую вел аланский народ против попыток из Византии христианизации, закончившихся, как известно, в начале X века официальным принятием христианства аланской правящей верхушкой, а затем и всем народом».

Как видим, семантика сказания рассматривается через историю христианизации Алании Византийской империей. С этим нельзя не согласиться. Но сделанный вывод о фактическом *насаждении* христианства основывается на марксистской классовой теории и вызывает целый ряд вопросов. Например, каким образом Византия могла насаждать свою религию в стране, которая никогда не находилась от нее ни в политической, ни в экономической зависимости? Может быть, с помощью или согласия местной власти? Совершенно исключено. Во-первых, такое содействие или попустительство стали бы лучшим свидетельством утраты суверенитета. Во-вторых, в ходе описанной драматической борьбы «народа» с навязываемой византийцами христианизацией «правящая верхушка», по логике сказания, сама оставалась некрещеной. И наконец, все-таки произошедшая христианизация должна была бы стать, по предложенной логике, результатом подчинения Алании Византийской империи. Все это противоречит существующим историческим сведениям.

Для того чтобы разобраться с возникшим противоречием, рассмотрим основные смысловые элементы сюжета и их взаимосвязь: склеп Софии, Батраз, ангелы, борьба (и связанный с ней образ Бога), занесение Батраза в склеп Софии.

Склеп Софии (*Софиайы зæппадз*). В различных вариантах сказания передается как *София-зæппадз*, *Софиайи зæппадз*, *Софий обауи* (курган), *Софяйы зæппадз*, *Сопиайы зæппадз*, *Софийы зæппадз*. Авторитетное мнение В. И. Абаева о соответствии названия склепа греческому Σοφία ‘София’ не вызывает никаких сомнений, а отождествление склепа Софии с собором св. Софии в Костантинополе становится ключом к предложенному прочтению сюжета. Этот собор, построенный в VI веке св. императором Юстинианом I, при котором Византия достигла пика своего могущества, стал воплощением силы православия, главным оплотом которого и была Византийская империя. Эпос не случайно сохранил посвящение собора — в православном вероучении София олицетворяет Премудрость Бога.

Батраз. Этот идеальный герой нартовского эпоса, образ которого восходит к скифскому Аресу, принадлежал к воинскому/царскому роду Ахсартаггата. В нашем сюжете он не только носитель древней дохристианской религиозной традиции, но и, подобно царю, олицетворение всего нартовского общества, которое в финальном сюжете сказания действует необыкновенно слаженно, как единый и неделимый организм.

Зеды и дауаги (*зæдтæ æмæ дауджытæ*). Отождествляются с ангелами/небожителями.

Борьба. Бог. В различных вариантах сказания агрессия исходит именно от Батраза. Зеды же и дауаги находятся в роли довольно-таки пассивных жертв. Бог изображается в качестве сочувствующего зедам наблюдателя, не скрывающего своей любви к нартовскому герою. Интересны общая схема и последовательность «боевых действий». Батраз убивает некоторых небожителей, отправляется на небо, чтобы увидеть Бога (но не для войны с Ним!). Познав в пути Его силу, поворачивает обратно, признав свою слабость по сравнению с Ним. Затем продолжает истреблять зедов, погибает по воле Бога и водворяется в склеп Софии. При этом мы видим, что, хотя зеды и находятся под Божьим покровительством, между ними и Им существует четкое разграничение, несмотря на то что оба образа символизируют христианство. Обратим внимание, насколько тонко и одновременно ярко передан образ Бога, а ведь со времени оформления сказания прошли века неизбежных упрощений и изменений. В Его образе чувствуются статичность, абсолютность и — самое главное — *любовь*.

Бог здесь и олицетворяет христианство как таковое, свободное от человеческих страстей. Зеды же изображены подчиненными Богу и вполне соотносимы с людьми. В них действительно прослеживается что-то человеческое и даже суетливое. Скорее всего, они ▸▸

Собор Святой Софии в Константинополе

символизируют проповедников и проповедь, идущую из Византии. Борьба, ведущаяся Батразом (аланским обществом, носителем древней религии), показывает отторжение, категорическое неприятие проповедуемого. И вновь мы сталкиваемся с кажущимся противоречием. Ни в одном из вариантов сказания Батраз не воюет с Богом (христианством). Напротив, после своего неудавшегося похода на небо герой выказывает к Нему свое нескрываемое уважение. Другими словами, аланское общество относится к христианской вере достаточно лояльно. Но чем же тогда вызван эффект отторжения? Ведь византийские миссионеры не могли проповедовать ничего, кроме православия, ортодоксального халкидонского христианства. Дело в том, что Византия имела свою, уже давно сложившуюся национальную христианскую культуру, в которой произошло закономерное объединение православия и эллинизма. Известный богослов и историк церкви Н. Н. Глубоковский отмечает: «Христианский эллинизм осуществлял и развивал этот союз именно в националистическом духе. Религиозный момент являлся фактором национальных стремлений, соподчинялся им и… обращался на служение панэллинистических мечтаний». В этом и заключается ответ на поставленный вопрос — аланское общество боролось не против православия как такового, а против ассимиляции своей культуры внутри греческой, распространяемой амбициозной имперской политикой. Речь, конечно же, не идет о реальной кровопролитной войне. Это была борьба двух сакральных миров, один из которых отстаивал свое право на самобытность.

Батраз в борьбе с небом. *Художник М. Туганов*

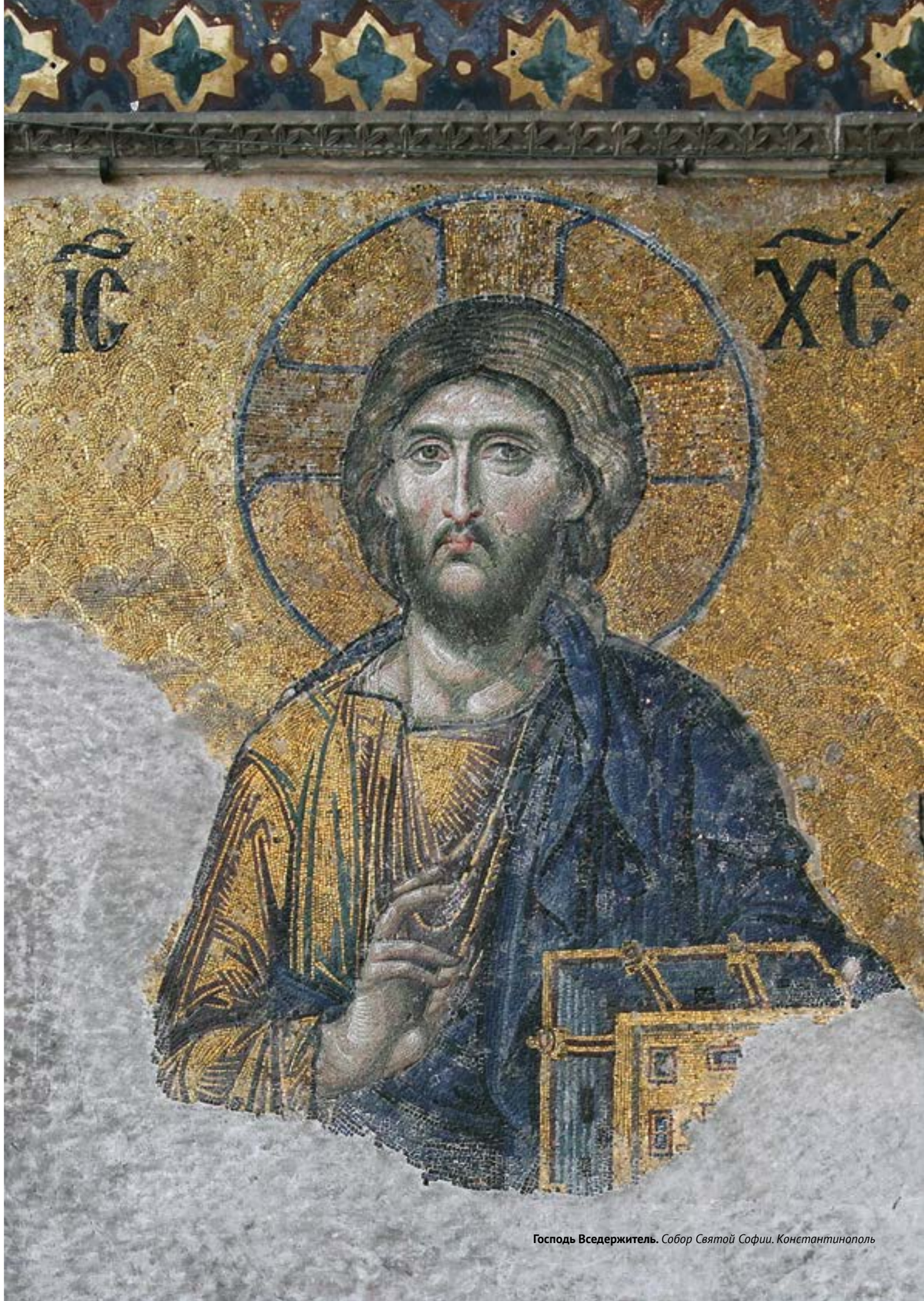
Занесение Батраза в склеп Софии. Символ принятия христианства. Зедами и дауагами (проповедь, идущая из Византии) Батраз (аланское общество, носитель древней религиозной традиции) заносится (принятие христианства) в склеп Софии (византийское православие). Мы подошли к главному моменту сказания, его замечательному по силе и яркости изображения и тонкости понимания апофеозу. Бог роняет три слезы на тело героя, который, даже будучи мертвым, не желает водворяться в предназначенном для него месте упокоения. Только после этого зеды заносят мертвого Батраза в склеп Софии. Алания становится православной державой.

Ж. Дюмезиль, анализируя это сказание, в какой-то мере стандартизирует его концовку, приводя аналогии из мифологии некоторых индоевропейских народов. Действительно, вызов небесам, бросаемый героем, и его неизбежная последующая гибель при лояльном отношении божества — все это «закон жанра», закономерное и вполне логичное завершение земной жизни идеального героя. Тем не менее, в целом оставаясь в рамках индоевропейской мифоэпической традиции, аланский эпос предлагает свой вариант конца славной и трагической жизни героя, отразивший реальные исторические события.

Тема усиливающегося одиночества, рефреном проходящая через весь цикл сказаний о Батразе, отсекается в момент символического прикосновения к Богу, когда на мертвое тело героя падают три Его слезы. Батраз соприкасается с тем, чего так и не испытал в своей жизни, через край переполненной подвигами и героизмом, — *с любовью*. И в ту же секунду его тело, раздираемое страстями, успокаивается. Любовь Бога, Его слезы смывают все грехи героя, и он наконец получает то, к чему, оказывается, стремился с самого рождения — *покой*. Батраз принял крещение. И только после этого он попадает в склеп Софии.

Несмотря на сохранение посвящения св. Софии, различные варианты сказания настойчиво говорят о склепе (*зæппадз*), но не о храме (*аргъуан, дзуар*). Интересно, что до нас дошли средневековые аланские погребальные православные храмы, выполненные в традициях склеповой архитектуры и, вполне возможно, давшие ей начало. Поэтому *склеп* Софии сохраняет значение образа храма — истинного мира, дома Божьего, что подтверждается некоторыми вариантами сказания, в которых отсутствует склеп, но тогда Батраз после смерти водворяется на небесах.

Итак, аланское общество (Батраз) приняло православие из Византии, образовалась Аланская епархия в составе Константинопольского патриархата. Почему же прекратилось столь яростное сопротивление древних арийских традиций, так или иначе сохранявшихся в течение тысячелетий и отражавших мировоззрение общества? Ответом



Господь Вседержитель. *Собор Святой Софии. Константинополь*

может послужить смысловое воплощение образа трех Божьих слез. Число три в различных культурах и в разные эпохи выступает символом абсолютного совершенства. В индоиранской или арийской мифопоэтической традиции это, прежде всего, идеальное устройство мироздания, состоящего из трех вертикально расположенных зон — верхнего небесного, среднего человеческого и нижнего глубинного, — выражалось в образе Мировой горы, космической модели всего сущего. Идеальное общество должно было повторять эту космическую структуру и поэтому состоять из трех социальных слоев, которые представляли собой духовенство, воинство и производители материальных благ. Это древнее представление хорошо прослеживается со скифской эпохи вплоть до нового времени. Скифская легенда о Колаксае, Липоксае и Арпоксае, три нартовских рода (*ærtæ Нарты*) Алагата, Ахсартаггата и Бората, живущие в трехуровневом Селении нартов, Царазонта, Кусагонта и Сидамонта позднесредневековой Алании — все это олицетворяет собой тысячелетнее стремление повторить высшую гармонию Творения, как она мыслилась в древних представлениях ариев.

Таким образом, три благословляющие и всеочищающие слезы Бога в рассматриваемом сюжете не что иное, как гармонизация пространства, мира в котором жил Батраз, или, другими словами, *крещение страны*.

Каждая из Божественных слез получает свое воплощение. Причем разные варианты сказания дают разные варианты этого воплощения. Но самих слез всегда три: *Зруджы Зæрин Майрæм, Цъæхилты Мыкалгабыр, Тибы Тараниджелос; Тараниджелос, Архангелос, Бæрзонд дзуар; Елиа, Фæлвæра, Уацилла; Мыкалгабыр, дыууæ зæды* (два ангела); *Рыныбардуаг, Аларды, Тараниджелос; Цъæхилты Мыкалгабыр, Ныхасы Бæрзонд Уастырджи, Зруджы Зæрин Майрæм; Тараниджелос, Мыкалгабыртæ, Реком*.

Начиная с первой публикации сводного литературного текста осетинского нартовского эпоса в 1946 году, а затем и в последующих подобных изданиях в сказании неизменно фигурирует последний из приведенных нами вариантов — *Тараниджелос, Мыкалгабыртæ* и *Реком*, которые превращаются в кувандоны. Но это только *один* из записанных вариантов, довольно произвольно выбранный составителями. В некоторых случаях сюжет с тремя слезами Бога не имеет продолжения в ключе отождествления их с дзуарами. Существуют и другие варианты сказания, среди которых наибольшими отличиями от генерального сюжета отмечены дигорские. К примеру, в одном из них, оказавшись на небесах в склепе Софии, Батраз усыновляется *Мад Майрæм*, Матерью Марией.

Почти все приведенные посвящения этимологизируются из христианской традиции. Изначальный, канонический, вариант воплощения Божественных слез до нас, скорее всего, не дошел. По крайней мере, он не может быть выявлен без длительного и очень тщательного специального исследования. Но для определения общего смысла самого образа воплощения это не имеет решающего значения. Речь идет об адаптации православия к аланскому миропониманию, восходящему к древней арийской традиции. До тех пор пока византийская проповедь грозила культурной ассимиляцией, она встречала жесткое, бескомпромиссное сопротивление. Прекращение сакральной борьбы наступило с появлением симфонии православия и традиционного миропонимания (воплощение Божественных слез), что и ознаменовало появление собственной самобытной христианской культуры, отражающей этнокультурные особенности аланского общества. Другими словами, в сказании о смерти Батраза нартовский эпос отразил появление аланского православия.

Все вышеописанные процессы, запечатленные в великом фольклорном произведении, в той или иной степени касаются всех христианских народов. Это общие и давно уже выявленные принципы христианизации, зафиксированные и в «Социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Культурные отличия отдельных народов находят свое выражение в литургическом и ином церковном творчестве, в особенностях христианского жизнеустроения. Все это создает национальную христианскую культуру». Данный тезис в полной мере относится и к истории появления аланского православия.

Константинополь. *Иллюстрация из «Нюрнбергской хроники» Х. Шеделя. 1493 г.*

Виктор Цаллагов, заслуженный художник РСО-Алания,
лауреат Государственной премии Правительства РФ

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: УЛОВИТЬ ХАРАКТЕР, ПОНЯТЬ МЫСЛИ…

Мне кажется, что в моих работах всегда прослеживается неразрывная связь с Родиной. Где бы я ни находился, мои мысли, мечты и переживания связаны с Аланией. Меня здесь в одинаковой степени привлекают природа, старая архитектура, эпос, история наших предков и удивительные образы разных людей. Мне интересно прочувствовать и передать на холсте внутренний мир человека. Уловить его характер и понять мысли.

Темы картин рождаются по-разному: иногда — спонтанно, иногда — осознанно, но неизменно одно: это всегда происходит, когда чувства и эмоции переполняют. Каждый день. Потому что я не представляю себя без живописи.

Картины могут быть радостными, яркими, жизнеутверждающими и возвышающими. Но могут быть и тревожными, навевающими печаль. Ведь жизнь многогранна, и от этого никуда не деться. Например, картины «Ангел-хранитель», «Реквием по Беслану», «Выбор» или «Всевидящее око» не всем по душе, так как в них отражены боль и страдания людей. Здесь цветовая гамма сложнее, напряженнее. Неискушенному зрителю

Church

больше нравятся картины теплые, умиротворяющие и легко читаемые. Но задача художника состоит в том, чтобы привить зрителю хороший вкус, воздействовать на подсознание, вырастить патриота и тонкого лирика.

У нас замечательная республика, прекрасный город и удивительная природа, и этим нельзя не восхищаться. Лучше всего это замечаешь, когда возвращаешься из других регионов, стран. Мечтаю увидеть ее процветающей, счастливой, поэтому воспеваю в своих произведениях.

Мне по душе и жанровая композиция. В ней я часто затрагиваю социальные, психологические и философские темы. Здесь уже с помощью вибрации цвета, четко продуманной композиции и сложной проработки поверхности холста достигается раскрытие замысла создаваемой картины.

Живопись считается одной из самых сложных эстетических областей приложения человеческого таланта. Поэтому она требует особой любви и трепета, полной самоотдачи.

Ацамаз

На мой взгляд, одним из наиболее ярких персонажей нартовского эпоса является Ацамаз, который с помощью своей волшебной свирели творил чудеса. Он усмирял хищников, побеждал великанов. Ему подпевали даже птицы, и вся природа начинала радоваться и танцевать.

Я постарался придать данному сюжету более современное звучание, использовав для этого полутона и сдержанную цветовую гамму.

Времена

Уже с рождения каждому судьбой предначертана дорога. Как по ней пройти так, чтобы достойно преодолеть все жизненные испытания? В чем истинное предназначение каждого из нас?

Как говорится, если бы молодость знала, а старость могла…

Проблем в жизни хватает всем, и они приближают нас к гармонии и мудрости… А может, Всевышний действительно нас испытывает, готовя к вечной жизни? В этой картине я постарался передать чувства и переживания людей разных поколений.

Тема исторического прошлого наших мужественных предков всегда меня волновала. Главное в этой картине — состояние… Напряженный воздух, предчувствие угрозы и трагическая разобщенность, итогом которых явились известные события, приведшие наших предков на грань исчезновения. Историю надо помнить и делать выводы.

Цветовая гамма и фронтальная трактовка сюжета способствуют подобным размышлениям.

Ночной дозор

Все, особенно гости, восхищаются и отмечают небывалую красоту Владикавказа. Не зря его называли «жемчужиной юга России». Мы все обязаны беречь эту красоту. Особую гордость представляет аллея Александровского проспекта с вековыми платанами на фоне замечательной архитектуры.

С помощью колористических изысков и игры светотеней постарался передать теплое состояние и доброжелательную обстановку. И, конечно, свою любовь к родному городу.

Владикавказ. После дождя

На даче

Здесь ничего не надо было придумывать. Я родился и провел свое детство в одном из живописнейших мест горной Алании. Это наше родовое село — Унал, которое еще называют солнечной долиной. Через 30 лет я вернулся сюда и в окружении некогда знаменитых фруктовых садов построил для своей семьи дачу. Мне хотелось, и, надеюсь, удалось, передать своим детям те ощущения, которые помню с детства и которые помогли сформировать мое мировоззрение. Одним словом, это семейный портрет.

Скажу словами уже выросшего сына: «Мой дом, я в нем — во сне и наяву, и в нем все те, кого зову и звать готов родными».

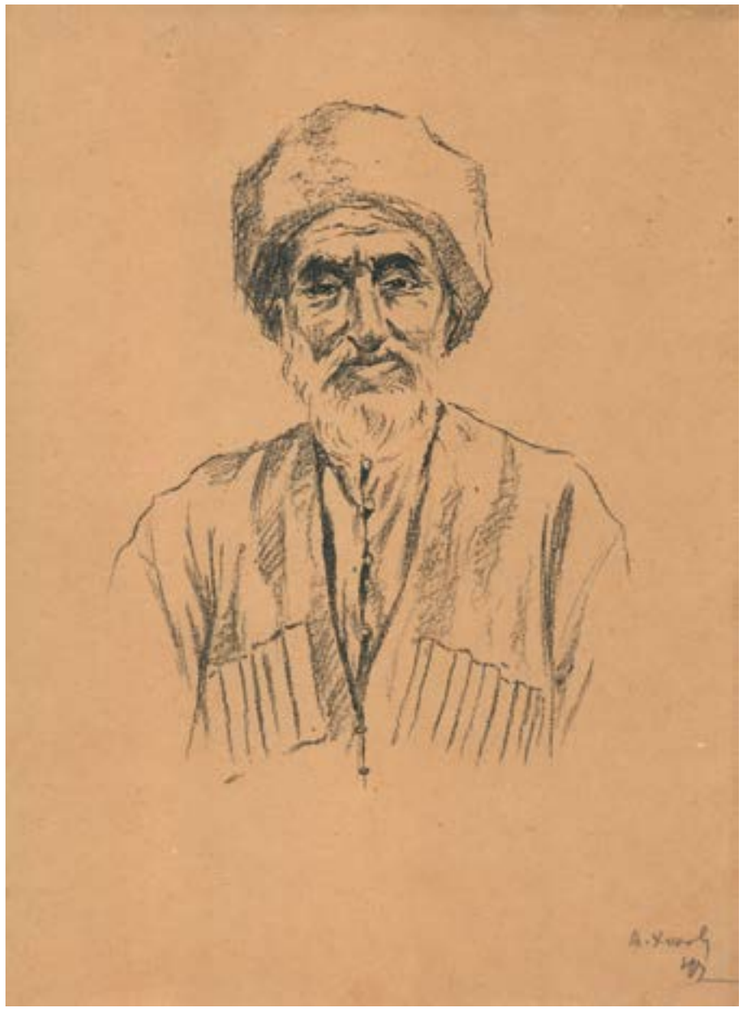
Мадина Каряева

АСЛАН-ГИРЕЙ ХОХОВ. ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ РИСУНКА

Аслан-Гирей Знаурович Хохов — выдающийся осетинский художник, один из основоположников осетинского графического искусства. Будущий мастер родился в 1894 г. в селении Мизур. Позднее семья Хоховых переехала в Санкт-Петербург. Завершив здесь в 1917 г. учебу в реальном училище, Аслан-Гирей вернулся домой, в Осетию. Через шесть лет он вновь отправился в Северную столицу, теперь уже для обучения изобразительному искусству. В 1927 г. Аслан-Гирей Хохов оканчивает графический факультет Академии художеств, которая в те годы была преобразована в Высший художественно-технический институт, или ВХУТЕИН, куда вскоре по инициативе Махарбека Туганова прибыли на учебу и другие молодые художники: Сосланбек Тавасиев, Давид Дзантиев, Сократ Кусов, Раиса Хасиева. С тех пор обучение изобразительному мастерству в лучших учебных заведениях страны стало носить для молодых талантов из Осетии систематический характер. Но именно Аслан-Гирей Хохов стал первым осетинским художником, получившим при советской власти профессиональное академическое образование.

Вернувшись на родину, он активно собирает и исследует богатейшее осетинское орнаментальное наследие. В поисках полевого материала он ездит по селам, фиксируя орнаментальные мотивы на одежде, мебели, жилищах и надгробиях. Результатом проведенной работы стало первое специализированное издание — небольшой альбом «Осетинские орнаменты», вышедший в 1932 г. Спустя 16 лет, в 1948 г., вышел еще один, красочный, альбом, составленный из еще большего количества профессионально выполненных копий художника. В 1930-х гг. Аслан-Гирей Хохов создает ряд пейзажных и сюжетных листов, объединенных в серию «Моя Родина», которые были высоко оценены Максимом Горьким и Ромэном Ролланом. В 1940-е гг. он выполняет целый ряд офортов и рисунков, посвященных Великой Отечественной войне и готовит классическую серию иллюстраций для издания сводного текста нартовского эпоса. Аслан-Гирей Хохов создает

Селение Нар. *Художник А.-Г. Хохов. 1942 г. Картон, карандаш, 17,1 х 23,9. Из частной коллекции*



Портрет старика. *Художник А.-Г. Хохов. 1942 г. Картон, карандаш, 17,3 х 23,4. Из частной коллекции*

также работы, посвященные социалистическому строительству и народной жизни, пейзажи и эскизы костюмов для театральных постановок. Он был участником многих выставок художественных работ, одной из последних стала персональная выставка 1964 года, посвященная 70-летию мастера. Спустя год его не стало.

Классик и один из основателей осетинской художественной школы Аслан-Гирей Хохов работал преимущественно в технике графического искусства, используя автолитографию и офорт, тушь, перо, карандаш и акварель. Его произведения хранятся в Северо-Осетинском государственном художественном музее имени М. С. Туганова, Национальном музее Республики Северная Осетия-Алания, ряде других музеев и в частных коллекциях.

Публикуемые работы, два карандашных рисунка, выполненные, судя по всему, с натуры, датируются 1942 г., т. е. периодом военного творчества мастера. Они хранятся в частной коллекции. На первом графическом листе изображено селение Нар. Не вызывает никаких сомнений, что перед нами ранее не публиковавшийся рисунок, послуживший основой для известного офорта «Аул Нар, родина осетинского народного поэта Коста Хетагурова. 1948 г.», изображенного на обложке буклета «Аслан-Гирей Хохов», выпущенного издательством «Советский художник» в рамках издававшейся серии в 1949 г.

Рисунок отличается деликатной и мягкой манерой линий, детальная точность которых создает особое настроение натуры — развалины как бы продолжают размеренную жизнь угасающего Нара. Точность передачи несложно проверить простым сравнением с художественным снимком конца XIX — начала XX в., сделанным примерно с того же ракурса и опубликованным в предыдущем номере нашего журнала.

На втором листе изображен старик в традиционной осетинской одежде: спокойный, добрый, мудрый взгляд и еле заметная улыбка, идущая из глубины души. Состоявшаяся старость. Судя по всему, этот рисунок никогда не публиковался и, возможно, до сих пор оставался неизвестным.

Ольга Гурциева

ХРИСТИАНСКИЕ ЧЕРТЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ОСЕТИНСКИХ МОЛИТВАХ: «НИККОЛАЙ ЗАР»

Молитва «Никколай зар» была записана неким Хатаевым во второй половине XIX — начале XX века и переслана им священнику Алексею Гатуеву. После смерти о. Алексея его архив, в том числе и записанный текст молитвы, был передан на хранение в Северо-Осетинский НИИ краеведения сыном, Сергеем Алексеевичем.

Молитва посвящена Николаю Чудотворцу и построена на построчном чередовании основного текста и припева. Повторяющийся лаконичный припев в одну строку имеет четкую последовательность молитвенных обращений — вначале к Богу, затем к Никкола (Николаю Чудотворцу). В тексте молитвы повествуется о том, как во время кораблекрушения один из терпящих бедствие путешественников обращается за помощью к святому, который находится в этот момент на готовящемся ангельском пиру. Николай Чудотворец спасает погибающих людей и возвращается на пир, где выделяется Богом перед ангелами. Приведем текст молитвы с переводом на русский язык.

Николай Чудотворец
Надпись на иконе: «Истинное изображение образа Николая Чудотворца именуемого Мокраго»

Уæй, Никкола, табу дин уæд, ковæн дин мах,
Уæй, нæ Хуцау, уæй, нæ лимæн, Никкола хуарз!
Мæгур адæмæн агъазгæнæг дæ алли хатт дæр,
Ковæн дин, корæн ди мах дæр, банинагъаз кæнæ,
Алли рауæн дæр нин дæ хуарзæнхæ банивæ кæнисæ.
Еухатт еу мæгур адæм балци цудæнцæ и денгизи,
Денгизæн æ астæумæ ку бацудæнцæ,
Уæд сæбæл стур дунгæ ку 'рцудæй.
Сæ науи син дортæбæл ку нимморæ кодта,
Мæгур адæм йеци рауæн исавдæнцæ.
Уалдæн уогæй еу мæгур læг ку никковуй:
«Уæй, Никкола, ку исæфæн аци рауæн,
Дæ хуарзæнхæй нæ фæууæд, фæннæйервæзун кæнæ!
Ку нæ фæййервæзун кæнай, уæд дин кувдтитæ фæккæндзинан,
Уорс уæлитæ дин, уорс каркитау, февгæрддзинан».
Йеци сахат изæдтæ 'ма идаугутæ
Хуцауи размæ æнхуæцæй дæр æмбурд адтæнцæ;
Борæ нæл фус син кувдæн уомæ æвгарст ку адтæй,
Уордæмæ Никкола мæгур læги кувд ку фегъуста,
Йеци сахат изæдти астæуæй фæййауунæй,

И денгизмæ мæгур адæммæ ниррæхсбетуй,
И денгизæй мæгур адæми и сормæ ку 'рбайефхæссуй,
Сæ науæй дæр син фæйнæги æрхъез, зæгæли саст
Исæфун нæ бауагъта, табу йин уæд!
Уалдæнмæ изæдти кувд ку исцæттæ уй,
Хуцау син сæ къеретæ ковун куд райдæдта,
Уотæ Никкола дæр æртæхцагъдæй æрбалæудтæй,
Фæрсунцæ 'й: «Никкола, кæми адтæ нури уæнгæ?»
Æрсиндзурдта, кæми адтæй, уой и Никкола.
Уой туххæй Хуцау Никколайæн изæдти астæу
Ковæггаг æхсæрфæмбал хуæздæри хайæн ку равзурста.
Уæй, нæ Хуцау, уæй, нæ лимæн, Никкола хуарз!

Ой, Никкола, да будет тебе табу, мы тебе молимся,
Ой, наш Бог, ой, наш друг, добрый Никкола!
Бедному народу ты всегда помощник,
Молимся тебе, просим и мы тебя, помоги нам,
В каждом месте удостой нас своей милости.
Однажды бедный народ ехал по морю,
Когда они доехали до середины моря,
Тогда настигла их большая буря,
Корабль их разбился о камни,
Бедный народ погибал на этом месте,
Тем временем один бедняк из них взмолился:
«Ой, Никкола, ведь мы на этом месте погибаем,
Да будет на нас твоя милость, избавь нас,
Если спасешь нас, то устроим в честь тебя пиры,
Будем резать в честь тебя белых барашков,
подобно белым курам».
В этот час ангелы и архангелы
Были все собраны перед Богом,
Желтый баран на пир для них у него был зарезан,
Туда ведь услышал Никкола мольбу бедняка,
В тот же час он исчез из среды ангелов,
Опустился он на море к бедному народу,
Вывел он из моря бедных людей на сушу,
Из их корабля тоже ни куску доски, ни ломаному гвоздю
Не дал пропасть, да будет ему табу!
Тем временем пир ангелов был готов,
Как только Бог стал благословлять их лепешки,
Так и Никкола явился мокрый.
Спрашивают его: «Где ты был до сих пор, Никкола?»
Рассказал им Никкола, где он был.
Из-за этого Бог среди ангелов для Никколы
Выбрал благословенный ахсарфамбал как долю лучшего.
Ой, наш Бог, ой, наш друг, добрый Никкола!

Теперь с помощью таблицы сравним текст молитвы «Никколай зар» с акафистом Святителю Николаю и его житием. В первой графе приводится оригинальный текст, во второй — русский перевод, в третьей и четвертой — элементы из акафиста и жития. ▸▸

Никколай зар	Песня о Никколе (перевод)	Акафист Святителю Николаю	Житие Николая Чудотворца
1. Уæй, Никкола, табу дин уæд, ковæн дин мах, Уæй, нæ Хуцау, уæй, нæ лимæн, Никкола хуарз!	Ой, Никкола, да будет тебе табу, мы тебе молимся, Ой, наш Бог, ой, наш друг, добрый Никкола!	1. Возбранный Чудотворче, и изрядный угодниче Христов, миру всему источаяй многоценное милости миро, и неисчерпаемое чудес море, восхваляю тя любовию, святителю Николае: ты же яко имеяй дерзновение ко Господу, от всяких мя бед свободи, да зову ти; радуйся, Николае, великий Чудотворче.	
2. Мæгур адæмæн агъазгæнæг дæ алли хатт дæр.	Бедному народу ты всегда помощник.	Радуйся, воздвижение скорое убогих; Радуйся, быстрое нищих услышание; Радуйся, богатство живущим на земли Богом данное (икос 5).	В городе Патары был добрый пастырь, святитель Николай, бдительно следивший за нуждами своей паствы… Двери его дома были открыты для всех: каждого он принимал с любовью и радушием, являясь для сирот отцом, для нищих — питателем, для плачущих — утешителем, для притесненных — заступником. Паства его процветала.
3. Ковæн дин, корæн ди мах дæр, банинагъаз кæнæ, Алли рауæн дæр нин дæ хуарзæнхæ банивæ кæнисæ.	Молимся тебе, просим и мы тебя, помоги нам, В каждом месте удостой нас своей милости.	Стена еси похваляющим, преблажение, чудеса твоя, и всем к заступлению твоему прибегающим: темже и нас в добродетели убогих, от нищеты, напасти, недугов и нужд различных свобождай, вопиющих ти с любовию таковая;	
4. Еухатт еу мæгур адæм балци цудæнцæ и денгизи, Денгизæн æ астæумæ ку бацудæнцæ, Уæд сæбæл стур дунгæ ку ‘рцудæй. Сæ науи син дортæбæл ку нимморæ кодта, Мæгур адæм йеци рауæн исавдæнцæ. Уалдæн уогæй еу мæгур лæг ку никковуй:	Однажды бедный народ ехал по морю, Когда они доехали до середины моря, Тогда настигла их большая буря, Корабль их разбился о камни, Бедный народ погибал на этом месте, Тем временем один бедняк из них взмолился:	Боготечная звезда явился еси, наставляя по морю плавающих Николае, имже смерть предстояше вскоре иногда, аще не бы ты предстал еси призывающим тя в помощь, чудотворче святый Николае: уже бо нестыдно бесом летающим, и погрузити корабли хотящим запретив, отгнал еси их,	Святитель во время своей жизни оказывал помощь людям, даже совсем его не знавшим. Однажды корабль, плывший из Египта в Ликию, был застигнут сильнейшей бурей. Сорвало на нем паруса, сломало мачты, волны готовы были поглотить корабль, обреченный на неминуемую гибель. Никакие силы

Никколай зар	Песня о Никколе (перевод)	Акафист Святителю Николаю	Житие Николая Чудотворца
«Уæй, Никкола, ку исæфæн аци рауæн, Дæ хуарзæнхæй нæ фæууæд, фæннайерваезуи кæнæ! Ку нæ фæййерваезуи кæнай, уæд дин кувдтитæ фæккаендзинан, Уорс уæлитæ дин, уорс каркитау, февгердзинан». Йеци сахат изæдтæ ‘ма идаугутæ Хуцауи размæ æнхуæцæй дæр æмбурд адтæнцæ; Борæ нæл фус син кувдæн уомæ æвгарст ку адтæй, Уордæмæ Никкола мæгур лæги кувл ку фегъуста, Йеци сахат изæдти астæуæй фæййаууонæй, И денгизмæ мæгур адæммæ нырæхебетуй, И денгизæй мæгур адæми и сормæ ку ‘рбайефхæссуй, Сæ науæй дæр син фæйнæги æрхъæз, зегæли саст Исæфун нæ бауагъта, табу йин уæд!	Ой, Никкола, ведь мы на этом месте погибаем, Да будет на нас твоя милость, избавь нас, Если спасешь нас, то устроим в честь тебя пиры, Будем резать в честь тебя белых барашков, подобно белым курам». В этот час ангелы и архангелы Были все собраны перед Богом, Желтый баран на пир для них у него был зарезан, Туда ведь услышал Никкола мольбу бедняка, В тот же час он исчез из среды ангелов, Опустился он на море к бедному народу, Вывел он из моря бедных людей на сушу, Из их корабля тоже ни куску доски, ни ломаному гвоздю Не дал пропасть, да будет ему табу!	верныя же научил еси спасающему тобою Богу взывати: Аллилуиа (кондак 5); Проповедует мир весь тебе, преблажение Николае, скораго в бедах заступника: яко многажды в единем часе, по земли путешествующим, и по морю плавающим, предваряя пособствуеши, купно всех от злых сохраняя, вопиющих к Богу: Аллилуиа (кондак 6); радуйся, обуреваемых тихое пристанище; радуйся, утопающих известное хранилище. Радуйся, плавающих посреде пучин добрый кормчий; радуйся, треволнения морская уставляющий. Радуйся, превождение сущих в вихрех (икос 7).	человеческие не могли ее предотвратить. Одна надежда — просить помощи у святителя Николая, которого, правда, ни один из этих моряков никогда не видел, но все знали о его чудесном заступничестве. Погибающие корабельщики стали горячо молиться, — и вот святитель Николай появился на корме у руля, стал управлять кораблем и благополучно привел его в гавань.
5. Уалдæнмæ изæдти кувд ку исцаттæ уй, Хуцау син сæ къеретæ ковун куд райдæдта, Уотæ Никкола дæр æртæхцагъдæй æрбалæудтæй, Фæрсунцæ ‘й: «Никкола, кæми адтæ нури уæнгæ?» Æрсидзурдта, кæми адтæй, уой и Никкола. Уой туххæй Хуцау Никколайæн изæдти астæу Ковæттаг æхсæрфæмбал хуæздæри хайæн ку равзурста. Уæй, нæ Хуцау, уæй, нæ лимæн, Никкола хуарз!	Тем временем пир ангелов был готов, Как только Бог стал благословлять их лепешки, Так и Никкола явился мокрый. Спрашивают его: «Где ты был до сих пор, Никкола?» Рассказал им Никкола, где он был. Из-за этого Бог среди ангелов для Никколы, Выбрал благословенный ахсарфамбал как долю лучшего. Ой, наш Бог, ой, наш друг, добрый Никкола!	Радуйся, Царя царствующих и Господа господствующих служителю; радуйся, служителей Его небесных сожителю.	

Лезгор. Скала с пещерой, посвященной Николаю Чудотворцу

Как мы видим, в молитве «Никколай зар» нет настолько ярких соответствий церковным каноническим текстам, как в ранее рассматривавшейся «Мад Майрæмы зарæг». Но и прослеживаемых аналогий вполне достаточно для того, чтобы определить историю создания этой народной молитвы. Местом наибольшего почитания Уац Никкола (св. Николай) в позднесредневековой Алании традиционно считалась Дигория, в особенности селение Лезгор, близ которого находятся посвященные ему пещера и православный храм. Каждый год во второе воскресенье мая лезгорцы отмечали праздник в честь своего святого покровителя. Эта дата стала народным эквивалентом 9 мая (по старому стилю), дате празднования христианским миром Перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари. В этот день, в Дзуары бон селения Лезгор, «Никколай зар» становилось особым молитвословием, народным акафистом, посвященным великому святому.

В «Никколай зар» молящиеся просят своего доброго и хорошего друга св. Николая (*нæ лимæн, Никкола хуарз*) о защите и помощи бедным людям, что соответствует отношению к нему в христианской традиции, в том числе и русской народной, как к самому демократичному, простому и доступному святому. Сходство образов проявляется и в том, что в основе сюжетной линии «Никколай зар» находится повествование о спасении людей, терпящих крушение на море. Это прямо соответствует издавна сложившимся представлениям об особом покровительстве Николая Чудотворца морякам и мореплавателям.

Причем приведенный сюжет о спасении гибнущих мореплавателей св. Николаем встречается и в других произведениях осетинской религиозной поэзии. К примеру, в песне «Изадти зар» Никкола объясняет свое опоздание на встречу небожителей следующими словами:

«Дæлæ денгизи науи медæгæ
Еу мæгур къуар батухстæнцæ,
Ардæмæ уони йефхастон».

«Вон в море на корабле
Несколько бедняков в беде,
Я до сих пор их спасал».

Еще одна традиционная молитва святому начинается словами:

Сугъзæрийнæ æ базуртæ æнцæ,
Никкола ба хуарз æй, хуарз!

Его крылья золотые,
Никкола ведь добр, добр!

В четвертом икосе акафиста Святителю Николаю также говорится о крылатом Николае: «Слышаша, богомудре Николае, ближнии и дальнии чудес твоих, яко по воздуху легкими благодатными крилами навыкл еси сущих в бедах предваряти, скоро от тех избавляя всех, вопиющих к тебе таковая».

Обратим внимание на несколько неожиданную и интересную подробность, содержащуюся в молитве «Никколайы зар». Вернувшись на ангельский пир, Никкола предстает перед Богом будучи мокрым после спасения людей из моря:

Уотæ Никкола дæр æртæхцагъдæй æрбалæудтæй.

Так и Никкола явился мокрый.

В иконографии Николая Чудотворца известны иконы «Николая мокрого», которые восходят к несохранившемуся образу XI века. Его наиболее ранний список находился в Софийском соборе Киева до исчезновения в 1943 году.

Совершенно очевидно, что текст молитвы «Никколайы зар» восходит к акафисту и житию Николая Чудотворца. В частности, это пятый и шестой кондаки акафиста и житийный сюжет о спасении путешествующих по морю. Разумеется, молитва получила традиционное фольклорное оформление. Скорее всего, перед нами народный вариант акафиста, сохраненное наследие ортодоксального периода аланской истории, когда во всем народе было распространено особое почитание великого святого Николая Чудотворца, «народного» предстателя перед Всевышним, добрейшего защитника от зла и бед.

Лезгор. Кресты на цардаге у начала тропы к пещере, посвященной Николаю Чудотворцу

Мзокты Аслæнбег

«ХУЫЦАУ ЧЫРЫСТИ! НÆ ДИН РОХ НÆ МА БАУАДЗ…»

Колыты Аксойы аивадон сфæлдыстады тыххæй

Ирон ахуыргонд лæгты нæмттæ куы фæнымайæм, нæ адæмы истори æмæ культурæйы бæрæг фæд чи ныууагъта, уыдоны нæмттæ, уæд фыццаджыдæр нæ зæрдыл æрбалæууы дзæнæты бадинаг Колыты Бесайы фырт Аксойы ном. Ацы диссаджы ахуыргонд лæг йæ уд хъардта ирон адæмы культурæ фæбæрзонддæр кæныныл, ирон адæмы æхсæн ахуыргондзинад рапарахат кæнынл.

Аксойы сгуыхтдзинæдтæ ирон культурæ æмæ литературæйы раз зындгонд сты: 1862 азы уый ирон чызджытæн йæхи хæдзары байгом кодта скъола — Дзæуджыхъæуы дыууæкъласон скъола, ахуыргæнæг дæр дзы йæхæдæг уыд, ахуыр та сæ кодта лæвар.

Уый стыр хъуыддаг уыди уыцы рæстæджы. Колыйы-фырты зæрдæйы сæвзæрд ахсджиаг хъуыды: ирон адæмы æхсæн ахуырдзинад стыхджын кæнын. Уый фыста: «Ног фæлтæртæ цæмæй хорз хъомыл кæной, уымæн хъæуы ахуыр æмæ размæдзыд бинонтæ, æмæ ахæм бинонтæ саразынæн та хъæуы, фыццаджы-фыццаг, ахуыр æмæ размæдзыд сылгоймаг — мад».

Аксо уыди фыццаг ирон сауджын, æнтыстджынæй каст фæци Дзæуджыхъæуы дины скъола, стæй та Калачы дины семинар. Куыста Дзæуджыхъæуы дины скъолайы ирон æвзаджы ахуыргæнæг æмæ инспекторæй.

Чырыстон дины уроктæ уæды заманы лæвæрд, растдæр зæгъгæйæ та амынд цыдысты уырыссаг æвзагыл, æмæ сывæллæттæ æвæндонæй цыдысты скъоламæ, уымæн æмæ не ‘мбæрстой, цы ахуыр кодтой, уый. Нæ фыццаг сауджын æмбæрста, кæй хъæуы дины чингуытæ ирон æвзагмæ раивын, æмæ сæ сабыргай райдыдта ирон æвзагмæ тæлмац кæнын. Йæхи тæлмацтæм гæсгæ райдыдта иронау аргъауын, Хуыцауы дзырд ирон адæммæ хæссын. Аксойы кой айхъуысти æгас Ирыстоныл, канд Дзæуджыхъæуы нæ, фæлæ йын хæххон кæмтты æмæ быдырты, кæмдæриддæр цардысты ирон адæм, уым йæ ном хорз зыдтой.

Уырыссаг æвзагæй мадæлон æвзагмæ Аксо раивта «Сыгъдæг Иуан Златоусты Уæларвон литурги», дзæвгар куывдтытæ «Требник»-æй æмæ бирæ æндæртæ. Йæ тæлмацтæ уыдысты раст æмæ хæрзхъæд. Уымæн æй нымадтой йæ рæстæджы æвзаджы дæсныйыл.

Аксо уыди стыр зондыл хæст ахуыргонд лæг. Профессор Цыбырты Людвиг раиртæста нæ фыццаг сауджыны царды æмæ бирæвæрсыг сфæлдыстад, рауагъта хицæн чиныг æмæ зæгъы Аксойы тыххæй: «Уый иудадзыг активонæй архайдта ирон адæмы чырыстон динмæ æрбахæстæг кæныныл. Уый фæрцы та ирон адæм кæрæдзимæ кодтой æнгомдæр, уырыссаг адæммæ та хæстæгдæр. Аксо йе ‘ппæт тыхтæ дæр радта уымæ, цæмæй Ирыстон ма ныддихтæ уыдаид хицæн динтыл æмæ иу бинонты хуызæн суыдаид уырысимæ. Уымæн æмæ уый бæстонæй æмбæрста, Ирыстонæн йæ фидæны хъысмæт Уæрæсеимæ баст кæй уыдзæн, уый».

Стыр аргъ кодта Аксойы æхсæнадон куыстæн ирон литературæйы классик Гæдиаты Секъа: «Йæ зæрдæйы райгуырæн бæстæйы туг цæджджинагау фыхт æмæ чъырсудзæнау пиллон уагъта йе ‘мбæстон ирон адæмы мæтæй. Æхсæв нæ хуыссыд, бон нæ бадти, Ирыстоны къуымты зæрватыккау ратæх-батæх кодта, цæмæй сиу кодтаид чырыстон дины уырнындзинады руаджы армыдзаг æмæ хæлиугонд ирон адæмы, цæмæй сæ цардыуаг æппæтæй дæр фæхуыздæр уыдаид, уыл йæхи хъардта».

Бæлвырдæй бæрæг нæу, кæд райдыдта Аксо æмдзæвгæтæ фыссын, уый, фæлæ, æвæццæгæн, йæ поэтикон уацмысты нымæц уыдаид дзæвгар. Махмæ дзы фæхæццæ ис æрмæстдæр æртæ æмдзæвгæйы, æмæ уыдон дæр æвдисæн сты йæ поэтикон курдиатæн.

Зæгъæн ис афтæ: æцæгдзинадæй Колыты Аксо — **нæ фыццаг ирон рухстауæг æмæ сауджын** — уыдис **нæ фыццаг ирон поэт дæр**, уымæн æмæ уый фыццагдæр мадæлон æвзагыл райдыдта фыссын æмдзæвгæтæ. Джусойты Нафи дзæгъæлы нæ зæгъы: «Колыты Аксо йæ тæккæ лæджы кармæ куы бахæццæ, уæд ацух цардæй, æндæра, чи зоны, ирон литературæйæн стырдæр лæггад бакодтаид. Ныр та нын ныууагъта æрмæст æртæ æмдзæвгæйы, уымæй дæр дины хабæрттыл фыст».

Фыццаг æмдзæвгæ — ***«Мад Майрæмы кады зарæг» («Хвалебная песнь о Матери Марии»)*** фыццаг хатт мыхуыргонд æрцыди журнал «Чырыстон цард»-ы 1911 азы 8-æм номыры. Фæстæдæр та рацыди хицæнæй, йæ сæргонд ивд æрцыд, афтæмæй. Йæ дыккаг сæргонд уыди «*Стауыны зарæг Хуыцауы ныййарæгæн*».

Æмдзæвгæйы автор Мад Майрæмы хоны «*нæ Æхсин, не стыр ныфс*», кæй «*фæрцы талынг зæххыл срухс и…*», кæй руаджы «*раст дины æгъдау махмæ арвæй æрбацыди*». Аксо сиды Мад Майрæммæ æмæ дзы куры мæгуыр адæмæн:

Уæ, Бæрзонд Æхсин! Ахъаз нын бакæн
Де стыр хорзæхæй,
Фервæзын нæ кæн
Дæ тыхджын куывдтæй нæ уынгæг бонтæй,
Æрæмбæрз нæ-иу нæ бахъуаджы
Дæхи æмбæрзæнæй!
Æмæ нын фæсур фыдбылыз
дардмæ нæхи зæрдæтæй.

Куыд уынæм, афтæмæй Аксойы æмдзæвгæтæ сæ мидисмæ гæсгæ сты, аргъуаны-иу кæй кодтой кувæг адæм, ахæм зарджытæ. **Зарджытæ — акафистытæ**. Дзырд «акафист» у бердзенаг æвзагæй æрбайсгæ, амоны «ænæбадгæ». Уымæн æмæ-иу Чырыстийы Мад Майрæм æмæ сыгъдæг удты кады зарджытæ куы кодтой, уæд бадыны бар нæ уыди, адæм хъуамæ лæугæ кодтаиккой.

«Аксойы æмдзæвгæтæ, цыма уырыссаг акафистытæй сæрибар тæлмац сты, афтæ зыны сæ мидисæй. Фæлæ мидис йæхæдæг сæрæй кæронмæ диныл баст кæй у, уый тыххæй йæ иртасыны сæр ницæмæн хъæуы» — ахæм хъуыдыйыл хæст у Джусойты Нафи, Аксойы æмдзæвгæты мидисы тыххæй дзургæйæ.

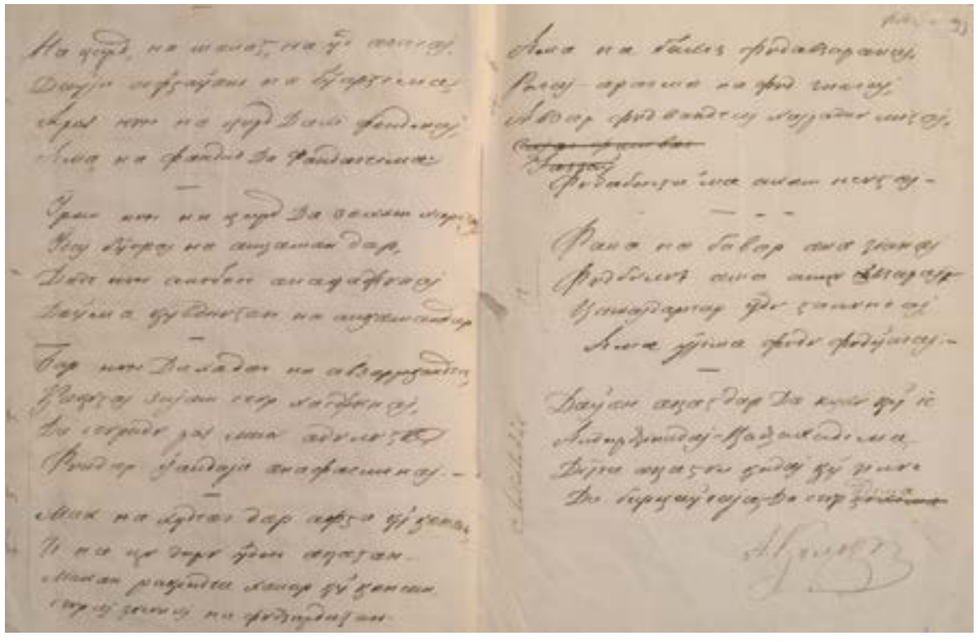
Æмдзæвгæ ***«Мæ фыд» («Отче наш»)*** баззад къухфыстæй æмæ æфснайдæй лæууы Цæгат Ирыстоны гуманитарон иртасæнты институты архивы. Аксо йæ кæд ныффыста, уый дæр бæрæг у — къухфысты ис амынд: «*1865 аз, 19 октябрь*». Нафийы хъуыдымæ гæсгæ, «Мæ фыд» амад у уырыссаг куывд «Отче наш»-ы мидисыл. Ныхас дзы цæуы Хуыцауы стырдзинады тыххæй. Æмдзæвгæйæн йæ композицион арæзт автор йæхæдæг дæр Хуыцаумæ кувыны хуызы амоны. Йæ фыццаг строфа схуыдта «*Сидын*», дыккагæй æстæммæ сыл уырыссагау ныффыста: «*1-е прошение*», «*2-е прошение*» æмæ афтæ дарддæр. Æмдзæвгæйы алы строфа дæр у хицæн курдиат Хуыцаумæ:

Сыгъдæг æрттивæд хуры тынтау
Дæ ном нæ мидæг, иууыл сыгъдæг,
Дæ хуыз нæ удты зæдты удтау
Махæн дæр фæуæд зæрдæрухсгæнæг.

Фарæстæм строфайы ныхмæ Аксо банысан кодта «*Славословие*», ома кадгæнæн ныхас:

Дæуæн æппæтдæр Дæ къухы куы ис:
Ælдардзинадæй — паддзахдзинадмæ,
Дуне æппæтыл кадæй куы зилыс
Дæ бар цæугæйæ Де стырадимæ.

Æмдзæвгæ ***«Чырыстийы рухс райгасдзинад» («Светлое Христово воскресение»)*** фыццаг хатт мыхуыргонд æрцыд академик А. Шифнеры чиныг «Осетинские тексты»-йы 1868 азы иронау дæр æмæ уырыссаг æвзагмæ тæлмацæй дæр. (Уыцы чиныджы ма бакæсæн уыдис Д. Чонкадзе æмæ Цорæты В. кæй æрæмбырд кодтой, уыцы ирон адæмы сфæлдыстады дзыхæйдзургæ «цыкурайы фæрдгуытæ».) Уый уыди æмдзæвгæйæн йæ фыццаг вариант. Фæстагмæ йыл Аксо ногæй бакуыста, æмæ уацмыс, цы уыди, уымæй дыууæ хатты фæфылдæр. Абаргæйæ, дыууæ вариантæн дæр иумæйаг сты 33 рæнхъы, иннæ текст у алыхуызон.



Колыты Аксойы къухфыст

Цы у ацы уацмысы мидис? Йæ сæргондæй дæр бæрæг дары — библион таурæгъ Йесо Чырыстийы тыххæй: куыд Æй байтыгътой дзуарыл æмæ тухигæнгæйæ куыд систа Йæ уд, уый фæстæ та куыд райгас ис æмæ Йæхи уæларвмæ куыд систа.

Æмдзæвгæйы сæргонды бын ис фыст — ***«Куадзæн бон»***. Аксо фыццаджыдæр дзуры, Йесо Чырыстийы райгас адæмæн цы хорздзинад, цы цин æрхаста, уый тыххæй:

Абон Чырысти райгас и,
Адæмыл рухс рарттывта,
Адæмы цæф байгас и,
Зындонæй йæ ракодта.

Адæмы автор нымайы Чырыстийы раз аххосджыныл:

Мах дæр Уый цот ыстæм,
Йемæ аххосджын ыстæм,
Уый тæригъæд куы кодта,
Мах дæр Йемæ уыдыстæм.

Цæмæн хоны Аксо Йесо Чырыстийы мæрдтæй сыстæг? Уымæн æмæ *«Æмдзыхæй дæм кувæм, / Дæуæй нæм хъарм хур æркасти, / Æмæ талынджы нал стæм»*.

Дзуттæгты та Аксо схуыдта *«æнамонд дзуттытæ»*, цы ‘взæр хъуыддæгтæ бакодтой Йесо Чырыстийы ныхмæ, уый тыххæй:

Сымах, æнамонд дзуттытæ,
Цы ‘взæр куыстытæ бакодтат:
Уе сфæлдисæг Паддзахы
Дзуарыл куыд байтыгътат?
Æртыккаг бон куы сбон уа,
Раздæр уын æй куыд загъта
Иу пахуымпар Иона, —
Райгас уыдзæн Чырысти.

Чырыстийы ингæн афтидæй куы разынди, уæд дзуттытæ æлхæнынмæ хъавыдысты йæ хъахъхъæнджыты:

Дзуттытæ та цы загътой?
Цæй, æмæ иу фæнд бакæнæм,
Хъарагъултæм басидæм,
Гæртамæй сæ балхæнæм,

цæмæй уыдон зæгъой *«давгæ нын æй акодтой»*. Фæлæ æцæгдзинадæн нæй басусæг кæнæн:

Райгас бонæй фæстæмæ
Зæххыл дæр ма ацарди.
Æрмæст ма иуæй-иу хатт
Минæвæрттæм разынди.

Æмдзæвгæйы æвдыст цæуы, Йесо Чырыстийы ацыд йæ Уæларвон Фыдмæ:

Зæххæй хицæн куы кодта,
Минæвæртты акодта,
Иу хох, Елеон хуынгæ,
Уый сæрмæ сæ скодта;
Зæрдæтæ сын февæрдта,
Арфæтæ сын фæкодта,
Йæхи фæхицæн кодта.
Арвмæ йæхи куы систа…

Аксо дзуры æмдзæвгæйы дыууиссæдзæм боны тыххæй дæр, амоны, куыд фæзынд ирон адæммæ дыууиссæдзæм бон:

Афтæ цардæй ацарди
Æрмæст дыууиссæдз боны:
Ацы дыууиссæдзæм бон
Ир зæрдæвæрæн хонынц.

Дыууиссæдзæм бонæй дæс боны куы рацыд, уæд

Уайтагъддæр, дæсæм бонмæ,
Йæ бæрæгбон куы кæнæм
Кæрдæгхæссæн номимæ.

Æмдзæвгæйы кæрон автор кувы Чырыстимæ:

Æвзæрæй нæ бахъахъхъæн.
Дæ цæстæй нæ рахъахъхъæн,
Нæ дин рох нæ ма бауадз,
Хъарæгæй нæ бахъахъхъæн,
Райтау ныл Уæларвæй
Дæ кадджын Мады кæрдæн.

Уацмыс кæронмæ куы бакæсай æмæ йын йæ мидисыл бæстон куы ахъуыды кæнай, æрмæст уæд бамбардзынæ, цавæр æнкъарæнты хицау уыдис Аксо куыд адæймаг æмæ дины лæг:

Ныр та нын хорз ракодта,
Мах дæр йе ‘мхайджын ыскодта;
Дæлдзæхæй нæ ракодта,
Уæларвмæ нæ ыскодта.

Аксо ацы æмдзæвгæйы йæхи цæстæнгас дæр æргомæй равдыста — *уый уыди арф уырнондзинады, чырыстон уырнондзинады* хицау. Куадзæн бон Аксойы фæндыди, цæмæй алы ирон адæймаг дæр баввахс уа Чырыстимæ:

Цæй, æмæ зарын райдайæм,
Хъазын, кувын байдайæм,
Чырыстимæ базарæм,
Хорз хæрзтæ дзы ракурæм.

Нæ нырыккон чиныгкæсæгæн та цæмæй зынаргъ сты Колыты Аксойы аивадон уацмыстæ? Кæд сæ ныффыссынæй æнус æмæ æрдæгæй фылдæр рацыдис, уæддæр нæ сæ мидис цымыдис кæны дины хабæрттæ базонынмæ. Стæй се ‘взаг, сæ стихамад. «Иу зынæмбарæн дзырд дæр нæй Аксойы уацмысты, сæ ритм — бæрæг æмæ нывыл, стих — музыкалон, зарынæн аив, хъæлæсы æнцонæй чи фидауы, ахæм. Зарынæн сæ кæй фыста, уый сыл бæрæгæй зыны: дзырдтæ дзургæ-дзурын кæрæдзи нæ хъыгдарынц, се ‘хсæн хъæлæсæн сулæфыны фадат ис» — ахæм хъуыдыйыл хæст у Аксойы æмдзæвгæты æвзаджы тыххæй Джусойты Нафи.

Аксойы æмдзæвгæтæ — акафистытæн (стауыны зарджытæн) «сæ хъуыды у, куыд загътам афтæ,

Дзæуджыхъæуы ирон чызджыты скъолайы ахуыргæнинæгтæ. 1873 аз

динимæ баст, æмæ се ‘хсæнадон ахадындзинад уымæ гæсгæ стыр нæу. Фæлæ сæ историондзинадмæ гæсгæ, куыд **ирон æвзагыл фыццаг æмдзæвгæтæ**, афтæ, æмæ уæлдай тыngдæр сæ формæ, сæ поэтикон хъæздыгдзинадмæ гæсгæ зынаргъ сты Колыты Аксойы æмдзæвгæтæ» — афтæ ныффыста литературæиртасæг Ардасенты Хадзыбатыр Аксойы литературон фæллойы ахадындзинады тыххæй 1947 азы.

Хадзыбатыры уыцы хъуыдыимæ æз разы нæ дæн. Мæнмæ гæсгæ, литературæиртасæг рæдийы, Колыты Аксойы æмдзæвгæтæ адæмы уарзон нæ уыдысты, ирæттæ сæ нæ зыдтой, стæй ирон литературæйы рапарахаты ницы ахъаз фесты, зæгъгæ, кæй зæгъы, уымæй. Кæд уавæр æцæгдзинадæй афтæ уыди, уæд Аксойы æмдугон Гатуты Алыкси (Куку), уый дæр сауджын, йæ зындгонд куыст «Христианство в Осетии»-йы цæмæн ныффыста уыдоны тыххæй: «Во всех селениях осетинских с удивительной любовью каждый старался прислушаться и выучить содержание и напев их; в лунный вечер летней поры, при возвращении с полей, везде слышны были услаждающие душу славословия, которые разнесли во все селения ученики и ученицы училищ». Ноджы ма Гатуйы-фырт зæгъы: «Протоиереем Колиевым были переложены в стихи два акафиста Пресвятой Богородице и Сладчайшему Иисусу, и во всех селеньях осетинских с удивительной любовью каждый старался прислушаться и выучить их напевы и содержание».

Ирон фысджытæ æмæ литературæиртасджытæ, Гæдиаты Секъайæ райдай æмæ Нафийæ фæуы, æмхъæлæсæй зæгъынц: Аксойы æмдзæвгæты аивадон æвзаг у авторы стырдæр хæзна; хуымæтæг ирон дзырдтæ сты æнцонæмбарæн æмæ зæрдæмæдзæугæ, абон мах кæмæй пайда кæнæм, ахæмтæ. Æмдзæвгæты ритмы кой куы ракæнæм, уæд æнæ зæгъгæ нæй: сæ ритм тыng хæстæг у адæмон поэзийы ритммæ. Æмдзæвгæтæ сты музыкалон, зæлджын, æнцонзарæн.

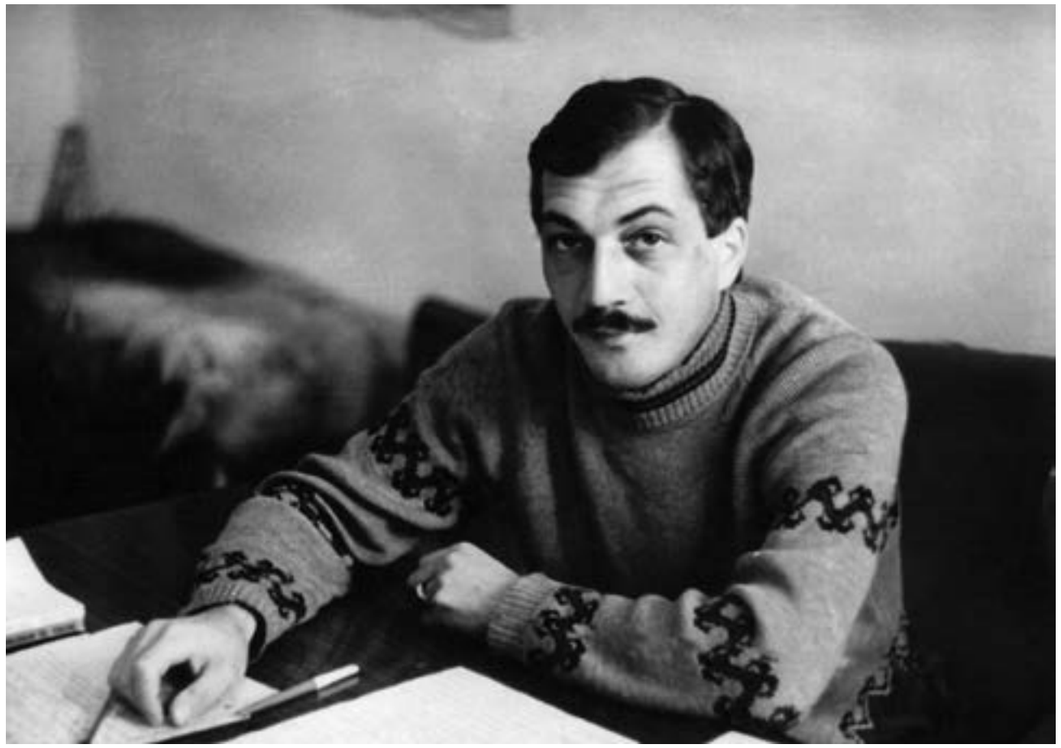
Аивады уа, поэзийы уа, фыццаг фæд чи авæры, фæндаг чи алæгæрды, уымæн вæййы тыng зын. Уымæн æмæ уый иннæты разæй акъахдзæф кæны æмæ бавзары зындзинæдтæ æмæ тухитæ. ***Колыты Аксо дæр уыдис, нæ ирон поэзийы быдыры фыццаг гутонвæд чи ныууагъта, ахæм диссаджы курдиаты хицау***. Уый сси нæ национ культурæйы зындгонд æхсæнадон архайæг. Аксойы размæ Ирыстоны ничима фыста æмдзæвгæтæ ирон æвзагыл.

Колыты Аксойы ном махæн у мысинаг. Уымæн, æмæ уый уыди нæ фыццаг ирон сауджын æмæ рухстауæг. Уымæн, æмæ уый уыди æгас Ирыстоны удон фыд æмæ ирон адæмы прогрессивон зондахастыл тохгæнæг. Уыимæ ма — нæ мадæлон æвзагыл фыццаг æмдзæвгæтæ сфæлдисæг.

Дзæуджыхъæу, Ирыхъæу. XIX æнусы кæрон — XX æнусы райдайæн

Уарзиаты Вилен

ЧЫРЫСТОН ТÆВАГ ИРОН УДВАРНЫ



Кæрон. Райдайæн кæс раздæры номыры

Бæстон нæ дзурдзынæн, ирон фыссынадмæ Иуане цаварæ ногдзинæдтæ бахаста, уый тыххæй. Мæ ныхасы сæр ныртæккæ бынтон æндæр у, стæй йын æвзагзонынады æгъдæуттæм гæсгæ аккаг аргъ скодтой Шёгрен Андреас, уый фæстæ та Ахвледиани Гиуæрги æмæ бирæ æндæртæ. Уыцы фарстайы фæдыл 1985 азы Тедеты Уæлгъа сæрмагонд чиныг рауагъта. Æз ам радзурдзынæн Æгъуызаты Иуанейæн йæхи къухæй фыст дыууæ цымыдисаг документы тыххæй. Сæ рæстæджы мыхуыргонд дæр æрцыдысты, фæлæ уæдæй фæстæмæ фондзыссæдз азæй фылдæр рацыди. Мæнмæ гæсгæ, ирон дзыллæтæн хорз зындгонд не сты, æмæ мæ уыцы къуыхцы фæнды аиуварс кæнын.

Фыццаг уал зæгъдзынæн Æгъуызоны автобиографийы тыххæй. Ныффыста йæ гуырдзиагау æмæ йæ ссардæуыд Гуырдзыстоны паддзахадон архивы, дины разамынды — Екзархаты къæнцылары фонды. Сæрибар тæлмац æмæ цыбыртæгондæй мыхуыræй рацыд 1866 азы Кавказаг археографион къамисы актты фыццаг чиныджы. Кæй зæгъын æй хъæуы, ныры рæстæджы йын ссарæн дæр нæй, афтæ стæм разындысты уыцы актты чингуытæ. Тедеты Уæлгъа йæ сæрмагонд иртасæн куыст «Фыццаг ирон къухфыстыты æвзаг» (П'ирвели осури хелнацеребис ена. Тбилиси, 1985), зæгъгæ, уымæн йæ уæлæмхасæны ацы документ джиппы рауагъта, фыст куыд у, афтæмæй. Гуырдзиагау чи нæ зоны, уыдоны базонгæ кæндзынæн, Иуане йæ цард æмæ сфæлдыстадон куысты тыххæй цы фыста, уыдæттимæ. Йæ ныхæстæй нæм куырыхон рухстауæджы сурæт азты сæрты ирддæрæй разыны æмæ хъуыдыты аныгъуылæм. Куыд равзæрд иры 'хсæн ахæм, сыгъдæг уæларвон зæды хуызæн, адæймаг?

«Æз дæн 45-аздзыд гуырдзиаг æзнауыр Иалгъузидзе Гиуæргийы фырт Иуане. Ис мын бинойнаг æмæ дыууæ зæнæджы. Райгуырдтæн Ирыстоны, æрдзæй мæ равзæрд у ирон уæздæттæй. Гуырдзиаг æмæ ирон æвзæгтæй уæлæмæ мæ бон у цыдæртæ уырыссагау дæр радзурын.

Гыццыл сывæллонæй мæ Ирæй ракодтой Гуырдзыстонмæ, уым паддзах Ерекъле II куы базыдта мæ уæздан равзæрд, уæд бафæдзæхста мæ фыдæн мæн Сыгъдæг Фыдуанийы моладзаны архимандритмæ раттын, цæмæй сахуыр уыдаин аргъуаны чингуытæ гуырдзиагау кæсын. Нысангонд моладзаны уæвгæйæ æз уыцы зонындзинад базыдтон. Паддзах Ерекълейы фæндонмæ гæсгæ мæн арвыстой Дауыт-Гареджийы фæдзæхст бынатмæ («пустынь». — У. В.) сауджын Карумидзе Иоанемæ, куыд философийы дæснымæ. Паддзахы бардзырдмæ гæсгæ æз уым ахуыр кодтон аив дзырды зонæнтæ дæр. Мæ ахуыргæнæг Иоанейæн радтой уæлдæр динон цин æмæ йæ раивтой Цъилкъаны епархимæ. Фæстæдæр мæ равдыста паддзахæн, æмæ мыл тынг фæцин кодта, загъта, хорз уаид, мæ ахуырдзинад дарддæр куыд ахастаин. Фæлæ æвиппайды фæзиан æмæ мæ къухы йæ фæндон сæххæст кæнын нал бафтыд. Баззадтæн æвæгæсгæгæй æмæ хи фæллæйттæй цардтæн.

Уæрæсейы аудæны Гуырдзыстон куы бацыд, уæд райдыдтон агурын фадæттæ ирон адæмы мидхъуыддæгтæ банывыл кæныны тыххæй. Ирон æвзаг зонгæйæ æз райдыдтон кусын бынæттон хæстон-граждайнаг разамындимæ. 1802 азы æртхъирæны мæйæ Майрæмкуадзæны онг Кавказаг гренадерон полчъы разамонæг дæлбулкъон Федыр Симоновичæн уыдтæн иры хъуыддæгтæн хицон адæймагæй. Бæлвырдæй та Пацъа, Стыр æмæ Чысыл Леуахи æмæ Арагуыйы былгæрæтты цæрджыты. Мæ фадæттæм гæсгæ æмæ ирон æвзаг зоныны тыххæй полчъы стабс-капитан Осипов мæнæн æмæ иннæтæн бабар кодта ирон адæмы уисæн кæнын.

Мæхи фæндтæм æмæ хæрзразæнгардмæ тырнгæйæ, æз иттæг рæвдз фæдæн мæнæн бабаргонд куыст Чеселтгомы, зæрдæйы уынаффæйæ сæ æххæст снывыл кодтон. Бирæ архайдтон… Йæ Бæрзонддзинады Манифестмæ иумæйаг фæндиаг æмæ сæ ардбахæрдæй Йæ Императорон Бæрзонддзинадæн æнувыд кæй уыдзысты, ууыл. Уыцы иу рæстæг мæн арвыстой тæккæ зын æмæ тæссаг бынæттæм. Кавказаг хæхты сæрты бирæ рæтты ахызтæн, уыимæ æнусон цъититæй æмбæрзт Зикъарайы хохыл дæр. Йæ Императорон Бæрзонддзинады паддзахадон службæйы фæдыл æххæст цæрдæгдзинадæй æмæ æнувыдæй æз рæвдз кодтон мæныл æвæрд хæстæ. Уымæ гæсгæ Гуырдзыстоны сæйраг разамонæг инæлар-лейтенант Кнорринги лæвæрд курдиатмæ гæсгæ 1802 азы хуымгæнæнты 23 боны хорзæхджын фæдæн хъуырыл сырх цыллæ уадздзагыл даргæ сызгъæрин майданæй.

Бынатон хæстон-граждайнаг хицауады сæргълæууæджы балæвæрдмæ æмæ Йæ Бæрзонддзинады бардзырдмæ гæсгæ, иттæг хорз æмæ æнувыд паддзахадон куысты фæдыл, мæнæн лæвæрд уыд пенсион — афæдзы мыздæ 120 æвзист сомæй. Ирыстонæн йæ фылдæр хай кæй зонын, уыимæ дæр ирон æвзаг, æз архайдтон хæстон-граждайнаг æмæ монон хицауадимæ сæ алыхуызон баргонд хæстимæ ирон адæмы хъуыддæгтыл. Уæлейæ 'рвыст фæдзæхстытæ æз æххæст кодтон канд уæнгрог æмæ тырнгæйæ нæ, цас æнтыстджынæй æмæ пайдайæ. Уый фæдыл Йæ Бæрзондсыгъдæгдзинад митрополит æмæ Гуырдзыстоны екзарх Теопилактъ мæн бакæнын кодта Монон къамисмæ иры хъуыддæгты кусæгæй. Уым иумæ куыстам 1815 азы кæрдæджы мæйæ.

Фыццаджы, æвиппайды декъаноз Елиозимæ æмгуыст фæкодтам аргъуантæ аразыныл, бæлвырдæй та Стыр Леуахийы былгæрæттыл нырыккон кувæндæтты арæзт. Дыккаджы, Йæ Бæрзондсыгъдæгдзинад ныфс мæ бавæрдта гуырдзиагæй ирон æвзагмæ раивын райсомы æмæ изæры Хуыцаумæ куывдтæ, катехизис цыбыр чырыстон уагимæ æмæ Хуыцауы литурги. Уыдон фыццаг хатт джиппы уагъд уыдысты ам Калачы. Хуыцауы литурги та къухфыстæй конд у.

1820 азы æртхъирæны мæйы 15 бонæй æз кусын райдыдтон Калачы семинары гуырдзиаг æмæ ирон æвзæгты ахуыргæнæгæй Семинаримæ бацæуæг ирон сывæллæттæм дины уырнындзинады хъомыл кæнын. Уымæй уæлдай Йæ Бæрзондсыгъдæгдзинады фембæлдты рæстæджы ног дзуарæфтыд Калакмæ æрбацæуæг ирæтты хистæртимæ æмæ хохаг адæмты минæвæрттимæ арæх вæййын тæлмацгæнæгæй.

Æзнауыр Иоане Иалгъузисдзе. 1820 аз».

(*ЦГИА Грузии. Фонд канцелярии экзарха Грузии. Ф. 488. Д. 488. Л. 109–112*)

Ацы къухфысты ныхас цæуы дыууæ сывæллоныл, афтæмæй та Иуанейы цот уыдысты æртæ. Йæ идæдз Марйа Иуанейы зианы хæдфæстæ, 1831 азы кæфты мæйы, Калачы пъæлицмейстеræн фехъусын кодта йæ бинонты уавæр. Хистæр чызг уæдмæ моймæдзыд уыди, хистæр фыртæн дæр йæхицæн уыди бинонтæ æмæ йæ фыды хуызæн лæууыди дины фæндагыл. Ус царди, бынæттон семинары йын чи ахуыр кодта, йæ уыцы кæстæр 15-аздзыд фыртимæ. Зианы фæстæ ænæ дарæгæй баззадысты æмæ æргом мæгуырдзинадмæ æрцыдысты. Марйа йæ сæрыхицауы гæххæттытимæ æххуыс агурæг фæзылди хицауадыл. Суанг ма, Гуырдзыстоны цы уырыссаг æфсæдтæ уыди, уыдоны сæйраг разамонæг граф Паскевич Иван Федыры фырт (1782–1856) дæр архайдта Æгъуызаты бинонтæн бахуыс кæныныл. Ныхас дардыл у, фæлæ сын 1833 азы тъæнджы мæйы 14 бон нысангонд æрцыд афæдзы улупа 430 сомы (История Юго-Осетии. В документах и материалах. II. Цхинвал. С. 55, 60).

Æгъуызоны хæрзгæнæг паддзах Ерекъле II тыххæй сæрмагондæй ænæ зæгъгæ нæй. Гуырдзыстоны сæргъы фæци бирæ рæстæг — æстдæсæм ænусы 60-æм азæй 1798 азы тъæнджы мæйы йæ амæлæты бонмæ. Уый уыди зондджын политик æмæ арæхстджын дипломат, хъæбатыр хæстон раздзог. Йæ дæсны ▸▸

разамынды руаджы Гуырдзыстон туркаг хуындæджер æмæ персайнаг сахы дæлбарæй фервæзтис. Ерекълейы рæстæджы 1783 азы гуырдзы бафидыдтой Уæрæсеимæ Георгиевскы сахары æмæ, фервæзыны мадзалæй сæхимæ цы уыд, уыдоныл ноджы уырыссаг æфсæддон æмæ политикон тых бафтыдтой. Ирон таурæгъты баззад 1795 азы Ага-Мæхæмæтханы Калакмæ æрбалæвурды кой. Хетæгкаты Гоцъи, дам, уæд персайнаг богалимæ схæцыд æмæ йыл фæуæлахиз, æмæ дам ын Ерекъле II уый тыххæй балæвар кодта сызгъæрин нуазæн.

Йæ зæрдиаг куысты тыххæй Уæрæсейы хицауад Иуанейæн саккаг кодта цалдæр паддзахадон хæрзиуæджы. Сызгъæрин майданы кой йæхæдæг дæр кæны йæ автобиографийы. Гæбæраты Сослан Центрон паддзахадон историон архивы Бетъырбухы куыд рабæрæг кодта, афтæмæй Æгъуызон хорзæхджын уыди Сыгъдæг Аннæйы орденæй дæр (ЦГИА СПб. Ф. 796. Оп. 2. Д. 8804. Л. 26).

Мæ ныхæстæм ма бафтаудзынæн уый, æмæ Иуане ахуыргæнæгæй куыста Калачы семинары нæ, фæлæ йæ цуры приходы скъолайы фыццаг кълæсты. Уым зæрдиагæй фæкуыста 1820 азы æртхъирæны мæйы 13 бонæй суанг 1822 азы тъæнджы мæйы 18 бонмæ. Уæлдæр куыд загътам, афтæмæй, йе ’нæниздзинад кæй фæцудыдта, уый аххосæй ныууагъта ахуыргæнæджы куыст æмæ йе ’ргом аздæхта сфæлдыстадмæ. Йæ литературон бынтæ фылдæр уыдаиккой, фæлæ рын сыстад æмæ Иуане йæ амæттаг баци.

Архивон документты иу æмæ дыууæ хатты нæй Æгъуызаты Иуанейы хорз куысты кой. Арæх ын банысан кæнынц йæ мæгуырдзинад æмæ, цардæн исты пайдайагæй йæм кæй ницы хæццæ кæны, уыцы æууæлтæ. Уымæ гæсгæ йæ 1802 азы паддзахадон службæмæ куы истой тæлмацгæнæгæй, уæд ын инæлар Кнорринг К. Ф. сæвæрдта мыздæ 250 сомы. Фæстæдæр, иры æруисæн кæныны хъуыддаджы куыд зæрдиагæй архайы, уый куы федтой, уæд сæйраг æфсæддон разамонæг инæлар Тормасов А. П. бардзырд радта, цæмæй 1809 азы Майрæмкуадзæнты 12 бонæй фæстæмæ йæ афæдзы мыздæ уа 120 æвзист сомы.

Биографи фыст у 1820 азы æмæ дзы, Сыгъдæг Евангели ирон æвзагмæ раивыныл кæй кусы, уый тыххæй ницы загъдæуы, афтæмæй та арфæйаг куыст райдыдта уыцы азы Джеоргуыбаты. Сразæнгард æй кодта Йæ Бæрзондсыгъдæгдзинад Гуырдзыстоны екзарх Теофилакт. Куыст кæронмæ ахæццæ кæнын йæ къухы бафтыд 1823 азы уалдзæджы, екзарх Ионæйы заманты. Уыйбæрц рæстæг ыл кæм бахардз кодта, уым, æвæццæгæн, Сыгъдæг Евангели ирон æвзагмæ раивын æнцон хъуыддаг нæ уыди.

Уæлдæр дыууæ документы æрхæссынæй зæрдæ бавæрдтон. Иу дзы, кæй кой ракодтон, уыцы автобиографи у. Дыккаджы та дзырд цæуы, Æгъуызон йæ тæлмацыл куыд куыста, уый тыххæй. Сыгъдæг Евангелийæн цы разныхас ныффыста тæлмацы автор, уымæй зæгъын.

Зындгонд уыриссаг скæсæниртасæг Залеман Карл Германы фырт (1849–1916) ссардта тæлмацы къухфыст акад. Шегрен Андреасы архивы гæххæттыты ’хсæн. Раныхас гуырдзиаг графикæйæ транслитераци скодта уæды ирон абетæм æмæ йæ раивта немыцаг æвзагмæ. Афтæмæй мыхуыргонд æрцыд Уæрæсейы Зонæдты академийы уацты «Азиаг арвистон»-ы. Залеман уыди стыр иранист æмæ тюрколог, бирæ азты дæргъы фæкуыста Бетъырбухы университеты ахуыргæнæгæй æмæ Азиаг музейы (ныры Бетъырбухы Скæсæниртасæн институт) директорæй. Ацы фæлтæрд иртасæг Иуанейы æвзаджызыдæхт æнæ редакцигондæй ныууагъта, цæмæй фæсхохаг ирæтты æвзаг ахуыргæндтæм ирдæй разына. Йæ бирæ алыхуызон зонадон куыстыты ’хсæн ис егъау иртасæн уац ирон æвзаджы мивдисæджы тыххæй. Немыцагау 1874 азы мыхуыргонд уыди Берлины, фæлæ нырма ивд нæма у нæдæр ирон, нæдæр уыриссаг æвзагмæ.

О, фæлæ Иуанейы разныхасмæ раздæхæм æмæ йæ, куыддæриддæр у, афтæмæй æрхæссæм.

«Разæй дзырдад.

Фæлой гæнæгæй ыскæныныл Хвычаон чиныг Сыгъдæг Сахаребайы ирон æвзагыл.

Мыггаг æнæ чæвæтæй ироны, канæг сывæлонымæ æркодта мæн, Iвырдзыстоны мæлиг Ерекле дыгаг. Æмæ мæ рада мæн чиныг ахвыр гæнæнмæ идæг зæрдæйæ, ачы фæндæй æмæ кæд сымах мемирон мыггагæн еафоныл исдæмæй бæзон ахъаз хъом фæчаин. Афтæ æздæр мæ мæнгард хъомсæй архийдон ахвыр кæныныл. Æмæ ысдыр Хвычав качы у æбæтæн хæрз вæндон, мæмæдæр ехорзæхы æрæвдивнæй æркасди. Æрхæдзæмæ кода мæн айонг æмæ, гæзæма, байгом ысды менæхъомыл зæрдæй чысдытæ, кæй фæрчы бафæрæсдон гвырдзиаг æвзагвыл чиныджы вавæрын. Екæронæй гæзæмæ бакæсын. Æмæ дзы базыдон ай æмæ. Мыгаг кæмæн нæй чиныг, вый хъаджын у расд æмбарынæй. Нæ зоны агагав Хвычавы. Æмæ нæдæр ехи. Хвычаон дæсны гæнæг чиныг, ивмæ æбæтыл хæс æвæры, афтæ æмæ чи чæмæйдæридæр фесквыса, умæй емыгаг æмæ емзахонтæн хъава æмæ ысбæзон æхъаз фæвыныл архайа ебонæй. Афтæвæ æз федон сымах мемиронты, мыгæгдæн æбæты æхсæн хъаджын ачы ысдар миа. Нæвын выди сымахæн чиныг. Авыл мæтгæнæг мæзæрдыл дардон мæлиг Ереклийы амондзинады, фæлæмын нæ выди мæнæн фадат. Амæнæмæ ачы хъвыдагæн бахъæваг у бæрзонд сæрадæй ахъаз бакæнын, æмæ кæд ивгæр ысдыр Хвычав у хичав æрвды æмæ зæхы. Æмæ вый армы ысды æгæсдæ æмæ мæрдæдæр. Вый у æбæтæн хæрз аразæг. Качы махдæр нæ вадзы æмæ арæд, æмæнæмæ ивгæр кæд чиныджы дзырав “зæрдæтæ мæлиджыты ысды Хвычавы армы”, учы Хвычав раздæхæд махмæдæр зæрдæйы ехичæй хæрз вæндон æвæрсд ысдыр падзах Император Александр Павлеы фырты, кæчыйы хорзæхы æрæрдивнæй ысрухс ысдæм чырыстойнады райсынæй, амæй æздæр ныфсджын фæдæн, æмæ бавæндыдæн чæмæн мæ мæнгард хъомысæй ысфæлварон ирон æвзагæй чиныг ыскæныныл. Æмæ афтæ ыскодон ирон æвзагыл ачы чиныгы, кæчы хвыйны гвырдзиаг æвзагвыл Сахареба. Ома чиныг вадз хъвыдон, амæнæмæ вæлæрвон Хвычавы, зæды, æмæ сыгъдæгды вадз хъвыды нын ай амоны. Авыл фæлой фæкодтон æртæ азы бон æмæ æхсæвæй, качыйы райдыдтон 1820 азы ноембыры 15 боны. Хæрз амондзинадæй Гвырдзыстоны Теофилакт митрополиты егзархады. Æмæйæ фæдæн 1823 азы маисы 25 боны, Гвырдзыстоны савджын сæр Ионæйы егзархады. Афтæ мæ хъомыс час выди. Мæхивыл нæ бачаварсдон, чæмæн сымах мемиронтæ ма фæват хъаджын а чы ысдыр хъвыдагæй. Ныр кувын æмæ лæхсдæ кæнын æбæты хæрз аразæг Хвычавæн, чæмæн сымах вæхвыдæг. Æмæ вæ зæнæг квыд фæсдæмæ ысрухсдæр ват зæрдæйæ, æмæ бафæразæт базонын бæлвырдæры» (Salemann Carl. Die Sjögrenischen Handschriften // Mélanges Asiatiques. T. X, livr. 2. St.-Ptg. P. 283–284).

Ацы цыбыр разныхасы Æгъуызон раргом кодта йæ зæрдæйы сагъæстæ æмæ йæ сыгъдæг уды хъизæмæрттæ. Куыд уынæм, афтæмæй тæлмацгонд нæу, нæ разы ис, сæрмагондæй иронау фыст чи æрцыдис, ахæм цыбыр æмæ мидисджын уацмыс. Йæ фыстыздæхт æмæ иумæйаг стилистикæйæ нын ирдæй æвдисы фыццаг ирон интеллигенты удысконд. Чырыстон джиппы бынæй бырсы уæды заманты ирон удварны тых æмæ дзы æнкъараэм адæмы хъынцъым чиныгыл. Цыбыр дзырдæй, зыны дзы ирон чиныджы разистори (предыстория. — *У. В.*). Уымæн афтæ арф бахъарынц адæймаджы зæрдæмæ разныхасы фæстаг рæнхъытæ. XIX æнусы райдианы ахæм хъуыдытæ æнцой кæмæн нæ лæвæрдтой æмæ йæ талынг *æнæчиныг* адæмы тыххæй йæ удыл чи нæ бацауæрста, уый уыди стыр патриот. Йæ царды уæззау уавæртæ дæр ницæмæ дардта, афтæмæй рæсугъд фидæныл сагъæс кодта æмæ йын удуæлдайæ бындур æвæрдта.

Разныхас кæсгæйæ æнæ бафиппайгæ нæй, неологизмтæ æмæ дзы Иуанейы æрхъуыдыгонд дзырдбæстытæ цас ис, уый. Уыдон æвдисынц, рухстауæг йæ зæрдæйы фæндон йе ’мзæххонтæн бæлвырддæр раргом кæнынмæ куыд тырныдта, уыцы æууæл. Тæлмац кæнын-иу йæ ныфс кæм нæ бахаста кæнæ-иу кæм нæ бафæрæзта, уыцы бынæтты пайда кодта гуырдзиаг æмæ уырыссаг лексикæйæ. Дæнцæгæн æрхæссæн ис рагон бердзенаг дзырд *Евангели*. Иронау нысан кæны *Хæрзуац*, уырыссагау та — *Благовестие*. Иуане йæ разныхасы пайда кæны, фæсхохы хорз кæй зыдтой, дзырды уыцы гуырдзиаг халдихæй — *Сахареба*.

Ахæм дæнцæгтæ, иу хатт ма йæ банысан кæнон, Æгъуызаты Иуане йæ рухстауæн куысты интеллектуалон фæллой цæмæй йе ’мзæххонтæн æнцон æмбарæн уа, уымæ кæй тырныдта, ууыл дзурæг сты. Афтæ домдта чырыстон чингуытæ тæлмацгæнджыты фæтк. Фыццаджыдæр гуырдзиаг тæлмацгæнджыты скъолайæ зæгъын. V æнусы йын бындур æрæвæрдта зынгæ чырыстон архайæг Сабацъмидели (439–532). Иуане гуырдзиаг ахуырдзинад кæй райста, уымæ гæсгæ сæ сæйраг тенденцитæ фæзындысты йе сфæлдыстадыл. Фæндзæм æнусы Сабацъмиделийы ахуыргæнинæгтæ æмæ фæдонтæм цы хъуыдытæ уыд, уыдон Æгъуызон анывæста XIX æнусы райдианмæ. Бынтон æндæр социокультурон уавæртæ æмæ сæ бынтон æндæр адæмы ’хсæн цæрæццаг скодта.

Тæлмацы хъуыддаджы зындзинæдтæ дунейы кæддæриддæр уыдысты æмæ абон дæр сты цардæгас. Кæд нæ рæдийын, уæд Ныгуылæн Европæйы фыццаг хатт уыцы фарст æрæвæрдта æмæ йыл биноныгæй бакуыста зынгæ англосаксаг чырыстон фыссæг æмæ тæлмацгæнæг Элфрик (995–1025). Уæдæ испайнаг философ Ортега-и-Гассет Хосе (1883–1955) дæр ацы темæйыл 1939 азы ныффыста æвæджиауы цымыдисаг уац «Тæлмацы æгуыдзæгдзинад æмæ йæ тæмæн» (Miseria e Eslendor de la Traduccion).

Екзарх Ионæйы уынаффæмæ гæсгæ Сыгъдæг Евангелийы къухфыст æрвыст æрцыди Бетъырбухмæ — Сыгъдæгдæр хицауадгæнæг Синодмæ. Уым æм хъуамæ æркастаиккой æмæ йын йæ дарддæры хъысмæт сбæлвырд кодтаиккой. Библийы Уæрæсейаг æхсæнады сæрдар, монон хъуыддæгтæ æмæ адæмон рухсады министр уæд уыди кънйаз Голицын А. Н., æмæ йæм 1823 азы Майрæмкуадзæнты Синод фæхабар кодта. Уый хъавыд Æхсæнады хардзæй ногдзуарæфтыд ирæтты пайдайæн тæлмац 600 чиныгæй джиппы рауадзын, фæлæ цыдæр æбæрæг аххосæгты тыххæй хъуыддаг фæсыкк. Афтæмæй иры дзыллæ Ног Фæдзæхсты сыгъдæг чиныг федтой æрмæст 1848 азы. Раивта йæ ахуыргæнæг Мжедлов (Мчъедлишвили) Григол, дыккаг хатт дæр æй джиппы рауагътой Калачы — 1864 азы.

Ионæйы Астæрханмæ ног куыстмæ куы аивтой, уæд Гуырдзыстоны екзарх сси Еуджен. Уый 1836 азы Дзæуджыхъæуы байгом кодта монон ахуыргæнæндон. Фæлгæсæг æмæ дзы ирон æвзаг æмæ Хуыцауы æгъдауы ахуыргæнæгæй кусын райдыдта Двалишвили Сио, инспектор æмæ иннæ зонæдты ахуыргæнæгæй та Мжедлов Григол. Чырыстон диныуаг хъомылгæнинæгтæ ахуыр кодтой Калакæй æрвыст Æгъуызаты Иуанейы тæлмацгонд чингуытæм гæсгæ. Уыдон уыдысты «Ирон абетæ» æмæ «Къатъехисмос».

Фæлæ хъуыддаг нæ фæрæстмæ: ардыгон ирæттæн зын æмбарæн уыдысты Æгъуызоны гуырдзиаг дамгъæтæй фыстытæ. Стæй ма уымæй уæлдай иуæйиу фæсхохаг ныхæстæ сабитæм худæг дæр кастысты. Уымæ гæсгæ Сио фæхабар кодта Калакмæ, семинары хицауадмæ, цæмæй йын бар раттаиккой бынæттон æвзаджызыдæхтыл ног тæлмац бацæттæ кæнынæн, фыссынмæ та йæ хъавыд уырыссаг дамгъæтæй. ▸▸

Уæдмæ ахæм абетæ бацæттæ кодта акад. Шёгрен. Уыцы азы кæфты мæйы 12 бон Сио Калакæй дзуапп райста. Уым фыстæуыд, цæмæй хохæгты сабиты мауал ахуыр кæной гуырдзиаг дамгъæтæй, уымæн æмæ уый у бынтон æнæпайда æмæ рæстæгсафæн хъуыддаг. Уыйадыл Иуанейы тæлмацгонд чингуыты рухстауæн дуг ахицæн. Акад. Миллер Всеволод (1848–1913) ын 1880 азы Стырдыгурыхъæуы æнæнхъæлæджы ссардта йæ чингуытæй иу. Ахуыргонды ныхæстæм гæсгæ, уый уыды Хуыцаумæ куывдтыты æмбырдгонд, 1820 азы Калачы джиппы кæй рауагътой, уый.

Ацы дæнцæгтæ, XIX æнусы райдианы Иры культурон царды цы стыр ивддзинæдтæ æрцыди, уыдоныл дзурæг сты. Æгъуызаты Иуанейы сфæлдыстадон бынтæ разындысты гуырдзиаг культурон тæваджы фæстаг уылæн. Аллон-иры культурон историйы, æнусты дæргъы сыхаг Гуырдзыстон кæй æххæст кодта, иу ахæм чырыстон дуг фæцис. Ромейаг бердзенты фæстæ уый нæ бауагъта Иры чырыстон удварн фæцудын. Ир, стæй Гуырдзыстон Уæрæсейы империйы дæлбар куы бацыдысты, уæд райдыдта ног, бæлвырддæр дзургæйæ та — æртыккаг дуг.

Уый фидар баст уыди Уæрæсеимæ, æмæ чырыстон дуг Ирыстоны сног ис бынтон æндæр, зæгъæн ис, уырыссаг хуызы. Ног историон-культурон уавæртæ Иуанейы зæрдиаг фæллæйттæн сæ райдиан æмæ сæ кæрон банысан кодтой. Уырысы хицауад хорз æмбæрста, Кавказы, ома империйы ног зæххытыл цæрæг адæмы, кæй хъæуы культурон централизаци. Уыдон хъуамæ фидар баст æрцыдаиккой уырыссаг культурæ, чырыстон дин æмæ паддзахады иудзинадыл. Æгъуызон бынтон рохуаты нæма аззад, афтæ ног дуджы райдианы фæзынди ног рухстауæг. 1835 азы Бетъырбухæй Калакмæ зонадон балцы æрбацыд акад. Шёгрен Андреас Йохан (1794–1855). Цыбыр рæстæгмæ уый сахуыр кодта ирон æвзаг æмæ бацæттæ кодта ирон абетæ уырыссаг дамгъæты бындурыл. Уый фæстæ та ныффыста æвзаджы грамматикæйы арæзты тыххæй иртасæн куыст «Ирон æвзагахуыр» (СПб., 1844).

Уæлдæр кæй æрхастон, уыцы дæнцæгтæ æмбарын кæнынц, нæ рагфыдæлтæ ромейаг-европæйаг удварны культурæмæ афтæ æмхиц цæмæн уыдысты, уый. Чырыстон дины руаджы аллон-ир размæ уæндонæй цыдысты иумæйаг историон тенденцимæ гæсгæ. Сæ сыхаг адæмтæ — сомих, гуырдзы, абхаз æмæ уырысимæ сæхи Византийыл барстой, афтæмæй æмдзу кодтой. Мангол æмæ Ахсахъ-Темыры æрбалæбурды фæстæ ацы политикон æмæ культурон бастдзинæдтæ фехæлдысты, фæлæ чырыстон дин арф уидæгтæ ауагъта иры ’хсæн. Уыцы хъуыддагæн чысыл ахъаз нæ фæци гуырдзиаг динон-интеллектуалон æхсæнад.

XVIII æнусы раст æмбисæй фæстæмæ фарны ивддзинæдтæ сарæх сты Ирыстоны. Уый канд йæ зæххытæ нæ баиу кодта Уæрæсеимæ. Уæдæй фæстæмæ уый чырыстон дины руаджы культурон æгъдауæй æмхуызонгæнгæ рацыд, скæсæйнаг æмæ бердзенаг чырыстон динæн рагæй дæр фидар бындур кæм уыди æмæ уымæ гæсгæ йæхи «Æртыккаг Ром» чи хуыдта, уыцы бæстæйы удварнимæ. Афтæмæй Ирыстоны дæргъвæтин рæстæджы фæстæ дыккаг хатт гуырын райдыдта чырыстон дин æмæ стыр ахъаз фæци ирон адæмы культурон рæзтæн.

Фæзынд *ирон чиныг* æмæ райдианты Стыр Хуыцауы Сыгъдæг Дзырд хаста йемæ. Уый фæрцы ахуыргонд адæм ныфсджынæй тырнындтой чырыстон дунемæ, размæдзыд европæйаг культурон æхсæнадмæ. Ацы æрдхæрæны цауы ратæдзæны та лæууы ирон дзырддзæугæ лæг Æгъуызаты Иуане, йе сфæлдыстадон фæллæйттæ æмæ рухстауæн змæлдимæ. Махæй йын алчи дæр хъуамæ йæ сыгъдæг ном йæ зæрдыл дара æмæ йæм æргом дзуармæ кувæгау кува. Нæ мæгуыр талынг æмæ æнæчиныг адæмæн чырыстон дунейы рухсмæ, ахуыр æмæ зонындзинæдтæм уæрæх фæндаг фыццаг уый айгæрста.

Дзауы ком

Фатима Дзугкоева

ИККА

Хлеб. *Художник Н. Н. Савадян-Паронян. 2012 г.*

Тетя Ира — старшая сестра моего отца. Когда я была маленькой девочкой, она привозила мне из города цветастые платья. Платья всегда были великоваты, но зато их подол бывал таким широким, что, когда я на радостях начинала кружиться на месте, он разлетался колоколом во все стороны, и меня это приводило в неописуемый восторг. Я смотрела сверху вниз на развевающееся платье, и оно мне казалось веселой лужайкой. Я была на седьмом небе. А тетя Ира выглядела при этом еще более довольной, чем я. Только почему я ее называю тетей Ирой? Ведь так ее называли только мои городские двоюродные братья. Мы же, сельские ее племянники, называли ее по-осетински — Икка.

Икка была маленькой женщиной средних лет с рыжими волосами. Она красила их отваром луковой шелухи, и от этого они приобретали ржавый цвет. Говорят, когда-то волосы у Икки были как у ее деда Мандзоя Дзугкоева — густые, насыщенного каштанового оттенка с красноватым отливом. Носила Икка простенькие ситцевые платья, сшитые ею же самой, неизменный передник и белую косынку на голове. Своей семьи у нее не было, и она жила жизнью своих братьев, сестры, племянников. Нрав у нее был своеобразный. Ее забота о нас, детях, проявлялась в ее строгости, порой даже жесткости. Для своих племенников она отменно варила красный борщ и потрясающую тыквенную кашу, пекла вкуснейшие сайки и готовила необыкновенный напиток из ягод облепихи. В своей крохотной однокомнатной квартирке в городе умудрялась зимой гнать осетинскую араку из остатков фруктов, кожуры мандаринов, апельсинов и чего-то еще. Горячительный напиток получался очень солнечного, янтарного цвета. Она любила угощать им своего младшего брата, который часто заходил к ней после работы.

Икка, как и остальные дети в ее семье, росла в голодные военные и послевоенные годы. Трудилась, как и ее ровесники, на колхозном поле, собирая хлеб для фронта. Перенесла все лишения, выпавшие на долю ее поколения — сиротство, голод, холод, а также тиф, после которого она потеряла часть своей

роскошной косы. Тяжелое детство наложило свой отпечаток на ее склад ума, характер и мироощущение. Она была сильным, волевым и принципиальным человеком, и эти качества никак не вязались с ее маленьким ростом, детской походкой и страстью сочинять сказки. Каждую весну, когда начинались работы на огороде, Икка приезжала из города к нам — в свой отцовский дом. Мы всей семьей сажали картошку, фасоль, кукурузу, тыкву… Мой отец для полива огорода прокопал узкие каналы между различными посадками. Вода по ним бежала из канавы круглые сутки, и нам было проще поливать огород. Больше всех трудилась Икка. Огород был ее стихией.

Как-то осенью плоды болгарского перца уродились на славу. Еще даже не дозрев, они уже достигали огромных размеров. Икка не могла нарадоваться плодам своего труда. Ходила между грядками и рассматривала каждый кустик, щупала перцы и с воодушевлением восклицала: «Кæс-ма, кæс! Цæйфæстæ сты!» (Смотри-ка, смотри! Каких размеров они!) В это время мой младший брат Миша, стоявший в сторонке, внимательно наблюдал за ней и хитро улыбался. Потом неожиданно присоединился к Икке и стал тоже рассматривать огромные плоды, тряся и прислушиваясь к ним. Перец издавал странные звуки. Через какое-то время Миша подозвал Икку:

— Иккæ, рауай-ма. Кæс-ма мæнæ, кæс, ацы цывзыты хуылфы цыдæр ис! (Икка, иди сюда. Смотри, внутри этих перцев что-то есть).

Икка резво подошла к кусту, возле которого задумчиво стоял мой брат. Брат сорвал перец и потряс им у уха тети. Внутри него что-то зашуршало и забулькало. Икка смотрела в недоумении.

— Мæнæ ай дæр ахæм у (и этот такой же), — сказал мой брат, показывая пальцем на другой плод.

И правда, в этом перце тоже при тряске что-то шуршало и булькало. Икка стала проверять другие плоды. Несколько из них издавали такие же звуки. Тетя была встревожена. Она ничего не могла понять. Она не знала, что и думать. На своем «огородном» веку Икка ничего подобного никогда не видела. Растерянная и напуганная, она хотела уже позвать на помощь своих братьев — моего отца и дядю. Миша еле сдерживал смех, но, когда ему стало известно, что тетка собирается звать отца и дядю, тут же сознался.

Оказывается, мой одиннадцатилетний брат через одноразовый медицинский шприц влил обыкновенную воду в перцы, поэтому они при тряске издавали звуки, которые так напугали тетю. Услышав об этом, Икка вмиг преобразилась. От ее растерянности не осталось и следа, лицо побагровело, весь ее вид стал очень воинственным. Обуздывая свой гнев, она молча сверлила Мишу испепеляющим взглядом, как вдруг разразилась громкой руганью. Она энергично замахала руками, затопала ногами, ее волосы выбились из-под платочка, и на брата посыпался поток слов возмущения, из которых разобрать можно было только «цывзытæ» и «мæ фыдæбæттæ». Моего брата эта сцена очень развеселила, он уже собирался рассмеяться, но вовремя сдержался. Наконец Икка исчерпала все свое гневное красноречие и вполне миролюбиво обозвала своего племянника «хæрæг» (осел). А брат, громко хохоча, убежал рассказывать остальным членам семьи, как ловко он подшутил над своей теткой.

Икка была замечательной рассказчицей и с удовольствием сочиняла для нас сказки. Она очень любила всякую живность, и действующими лицами ее сочинений всегда выступали животные и звери. В ее сказках наш домашний черный кот совершал фантастические путешествия в лес к своему другу медведю. Там лесной зверь угощал кота медом, который после этого благополучно добирался в город, в гости к Икке. Тетя рассказывала об этом так, как будто все эти приключения с нашим котом происходили на самом деле. Для достоверности она завела специальный альбом, в котором исправно рисовала каждый его поход. Вот он в гостях у медведя лежит на огромной мягкой кровати, а медведь суетится подле, угождает долгожданному дорогому гостю — накрывает на стол. А вот мой двоюродный брат Алан в их компании пьет чай и слушает беседы. Алан в этот момент рассказа очень важничал и смотрел на нас свысока: в сказках тети мы никогда не удостаивались чести быть приглашенными в гости к медведю. Сейчас я даже уже понимаю почему. Алан в детстве был большим фантазером. Имея богатое воображение, он всегда жаждал приключений, путешествий, поисков потерянных фамильных кладов… И сказки тети с фантастическим сюжетом о дружбе кота, медведя и его самого, о лесном гостеприимном доме и нескончаемых путешествиях по волшебному лесу он воспринимал со всей детской непосредственностью и доверчивостью. Алан без оглядки верил рассказу Икки о том, что на зимних каникулах он гостил у медведя в лесу. Хотя на самом деле он в это время гостил у нас в селе, но, впечатленный рассказом, напрочь забывал об этом. В благодарность за такую преданность Икка и делала его персонажем своих сказок. Это было потрясающее действо. Мы слушали сказку, и она тут же обретала реальность через рисунки тети. И, что самое главное, мы верили, что кот сам все рассказывает Икке, притом на зверином языке, который понимают только он и тетя. Нас, племянников, к сожалению, не заботила сохранность самодельных книжек тети, поэтому альбомы Икки с авторскими рисунками к сказкам собственного сочинения со временем были утрачены. Мы беспечно полагали, что наша Икка будет жить вечно и в многочисленных альбомах так же вечно будет рисовать для нас детство. Она, лишенная страшной

войной простых радостей жизни, с нами, детьми, восполняла то, чего ей так не хватало в собственном детстве — красочных книжек со сказками.

Неуемная энергия и трудолюбие Икки заражали и нас, детей. Она водила нас купаться к самой широкой канаве на окраине села. В то время она называлась «Кировы къанау» (канава Кирова). По ее берегам мы собирали душистую мяту. На полях собирали разнотравье: тысячелистник, зверобой, дикий чабрец, бессмертник. Собранные травы мы потом с тетей перебирали и сушили на зиму. Икка учила нас обрывать барбарис так, чтобы не уколоться о шипы кустарника. Вкус ароматного чая из ягод шиповника, который она заваривала, помню и сегодня.

Тетя очень бережно относилась к семейному архиву. Она отлично знала нашу родословную и любила рассказывать о нашей фамилии. Сравнивая себя со своей прабабушкой Хаирхан Хоховой, или, как ее называли в семье, Нене, Икка говорила: «Æз дæр Ненейы хуызæн гыццыл дæн» (Я такая же маленькая, как Нене). Икка рассказывала и о том, что наш род никогда не забывал о Боге. На стене ее городской квартиры висели выцветшие фотографии картины Рафаэля «Сикстинская Мадонна» и иконы «Сопристолие» («Троица Новозаветная»). Изображения были черно-белые с цветной ретушью, местами стертые. Перед сном Икка становилась на колени, складывала на груди руки со сцепленными пальцами и молилась. Молилась Богу долго — за наш род, за фамилию, за всех людей. Я стала свидетелем этой молитвы задолго до своего крещения. Впервые мне тогда довелось видеть, как осетинка стоит на коленях перед изображениями святых и говорит с ними языком древней осетинской молитвы. Эта молитва знала, что икона — окно в мир иной. Я тогда была подростком, воинствующей атеисткой, но

Женщина с кошкой. *Художник Н. Н. Савадян-Паронян. 2012 г.*

Утро. *Художник Н. Н. Савадян-Паронян. 2012 г.*

от ее молитвы у меня перехватило дыхание и по всему телу прошла дрожь… В этот момент снова, но уже с сокрушающей силой утверждения, в голове мелькнула неоднократно отвергавшаяся мной доселе мысль о том, что Тот, который Невидим и Неведом для меня, на самом деле существует и сейчас слышит мою тетю. Слышит и видит ее и внимает ей. Слова молитвы звучали, казалось, из глубины веков, преодолевая пространство и время… Молитва тети приблизила меня к Непостижимой Причине моего существования. Она сокрушила мою убежденность в материализме. Не оставалось сомнений в том, что Бог есть, и Бог — везде, и что сейчас Он — рядом с Иккой. Глубока была вера моей тети.

К сожалению, Икка ушла из жизни некрещеной. Я так и не смогла перебороть свое малодушие и предложить ей сделать этот шаг. Потом, года через два-три после ее смерти, она мне приснилась. Сон был на грани яви. Икка стояла в своем привычном ситцевом платье с передником и с белой косынкой на голове. Она держала бумажный лист с записанными мной именами всех усопших родных, которых я поминала во время утренних молитв. Икка с напряженным лицом искала там свое имя среди других имен. Когда нашла, ее лицо просияло, она в знак одобрения закивала головой и просящим, непривычно мягким голосом сказала: «О, Фатик, о! Бакæс-иу мæн тыххæй дæр, бакæс» (Да, Фатик, да! Почитай и обо мне, почитай).

Я проснулась с горьким чувством вины. Оно меня не покидает и сейчас. Икка нуждалась в Боге, а я не помогла ей прийти к Нему. Однако сон стал и моим утешением. Благодаря ему я теперь точно знаю, что в наших молитвах нуждаются, что те, кого уже нет рядом с нами, слышат их.

Вот такая у меня была тетя Икка — старшая сестра моего отца. Маленькая женщина с сильным волевым характером и удивительным умением видеть мир глазами детей.

УÆЛЛАДЖЫР

Садон

Цъамад, Хъæуы зæд

Æрхон, Саниба

Сæхæгкатæ, зæппадз

Едзиты Сослæнбег (1865–1953)

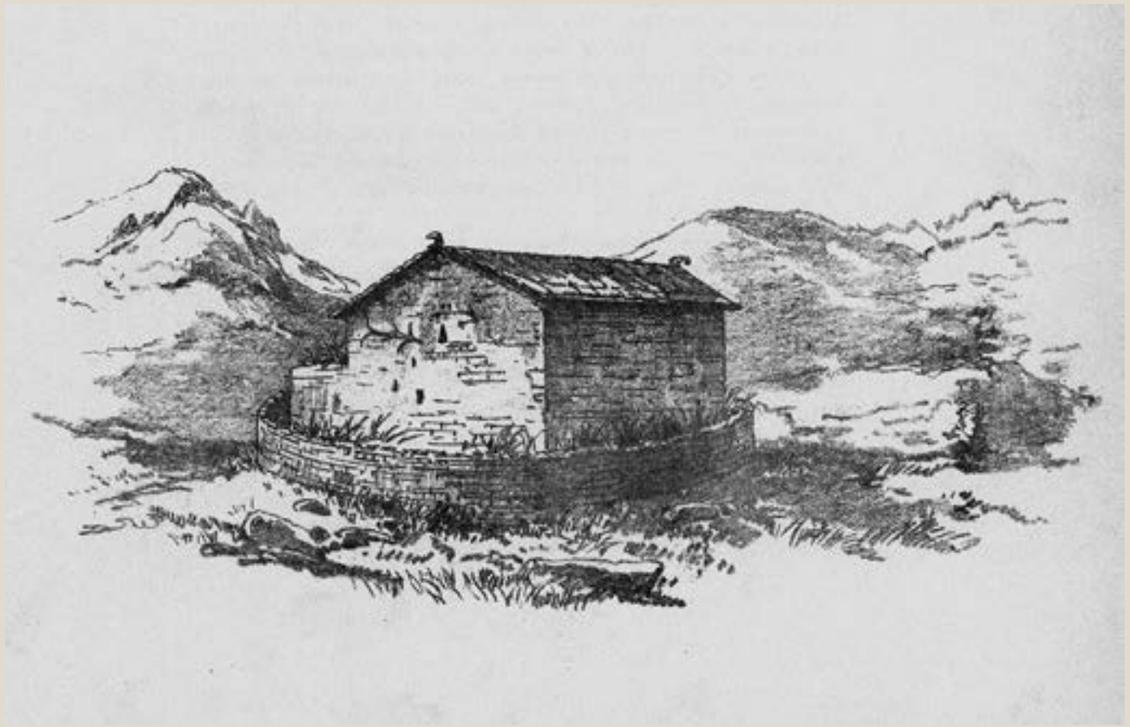
Нузалы аргъуан

Урсдон, Мигъдау

Инджынтæ, мæсыг

Алагир, Зæрдæвæрæны аргъуан

СÆДÆ АЗЫ ФÆСТÆ



Гули. Гулийы хъæуы зæд. 1886 аз

Дзывгъис. Уастырджийы дзуар. 1886 аз

Гули. Гулийы хъæуы зæд. 2008 аз

Дзывгъис. Уастырджийы дзуар. 2014 аз

Иерей Игорь Кусов

СВЕТ, КОТОРЫМ ОСВЕЩАЕТСЯ ДОРОГА К БОГУ

Душа просвещенная светом Христа
видит путь ко Спасению.
Свт. Тихон Задонский

Часто в храме мы слышим неотмирные слова, среди которых «вечность», «спасение», «святая жизнь», «Царство Небесное». Для сознания современного человека, поглощенного суетой жизни, это невмещаемо, для слуха, привыкшего к девизу «взять от этой жизни все», это непривычно.

Читая на кресте «Спаси и сохрани», человек может подумать: «От чего же меня спасать? Наверное, от беды. Хорошая молитва!» Не приходит мысль о Спасении души, о Сохранении ее для вечности. Потому что сегодня многие люди — а мы говорим о принявших Таинство Крещения — даже на пути к духовной жизни пытаются решать сугубо земные, временные проблемы.

Конечно, это неудивительно, ведь Евангелие свидетельствует, что ко Христу обращались в первую очередь из-за телесных недугов и болезней. Но многим через это земное открывались иные перспективы. Наши земные мотивы и цели — вечная преграда между нами и Богом, ибо мы не ищем этих перспектив. Слова евангельского богача отражают наше понятие об успешности: «*И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись*» (Лк 12: 19). И, умирая в ту же ночь, что он берет с собой? Невидимый багаж — плоды добродетели и греха. При этом Евангелие не призывает оставить все земные труды, но учит ответственной жизни, в которой нужно трудиться, заботиться о близких, а также о тех, кто не связан с нами никакими кровными и дружескими узами, и часто не готов нам ответить ничем, кроме слов благодарности.

Христианин, редко заходящий в храм, практически не задает вопросов, в большей степени озабоченный поисками чудотворных образов, определенных святых, «помогающих» в различных сферах. К примеру, выстаивая многочасовые очереди к мощам праведной Матроны Московской, он может ни разу не выстоять Литургию и не получить самого важного для христианина — Дара Причастия. А ведь праведная жизнь блаженной Матроны церковь поставила в пример личной святости, сохранения веры в безбожной среде!

Действительно, образ святого нам ближе. Но кто освятил его, кто ответил на пламенную веру этого человека? О чем он молился, что искал он у Бога? С чем боролся? Сталкивался ли с бытовыми и семейными проблемами, недобросовестностью и несправедливостью? Безусловно, он находился примерно в таких же условиях. Но в определенный момент, когда заканчивались человеческие навыки и средства, он обращал свой взор к Богу, разворачивался от естественного к сверхъестественному, к тому, что не поддается никаким подсчетам, измерениям и особым формулам. Именно такая модель жизни идет вразрез с той, которую современное общество предлагает как образ успешности, как образ состоявшейся жизни личности.

По христианскому учению, Царство Божие не является чем-то запредельно далеким, оно, напротив, совсем близко (Лк 17: 21), настолько, что его можно ощутить, рассмотреть и понять. Когда мы ищем святых, мы фактически интуитивно ищем доказательства существования Того, Кто «неизречен, недоведом, невидим, непостижим» (из чина Божественной литургии).

Подобно тому как личная история фронтовика, его боевых заслуг, ранений и, в конце концов, причастия к великой победе над врагом делает войну реальной вместе с ее тяжестью, горем, страданием, но и опытом преодолимости, так и жизнь святого с его трудностями, испытаниями и искушениями, но и славными победами приближает Царство Небесное с тем спасением, к которому мы призваны.

Святой — это пример, планка, к которой Церковь призывает стремиться, цепь, которая соединяет нас, недостойных и грешных, с Творцом. Связь, о которой апостол Павел пишет: «…*подражайте мне, как я Христу*» (1 Кор 4: 16). Именно об этом подражании нам стоит задумываться, почитая и призывая помощь святого угодника Божия.

Как отмечал преподобный Варсонофий Оптинский, каждый пример святого «имеет то или иное отношение к нашей жизни». Как в житии святых, у которых было время до и после встречи с христианством, у каждого человека должен состояться переломный момент, при котором произойдет переоценка ценностей, создание новой картины мира, перемена во взглядах и отношении к Богу. Христианин может впустить неминуемое преобразование и либо следовать постоянному духовному развитию, либо отказаться от него.

Святитель Иоанн Златоуст поучал, что «Богу угодно, чтобы мы помогали друг другу. Иначе для чего он повелел молиться о мире и благосостоянии мира? Для чего о всех людях?» Этой молитвенной помощи мы просим у святых, напоминая себе об их преумноженных «талантах», о которых церковь напоминает в эпитетах: чудотворец, целитель, блаженные и праведные, бессребреники…

Господь от нас не требует многого, но ждет хотя бы малого (Мф 25: 23). Того малого, что дает людям вне церкви рассмотреть христианство в практической ее жизни. Некогда святой прп. Пахомий Великий, проходивший в свое время службу в армии, наблюдал, как христиане в Фивах приходили со своими запасами пищи к остановившемся в их городе рекрутам и усердно прислуживали им. Пахомию запало в душу такое бескорыстное служение во имя Божией заповеди — главного мотива, о котором он впоследствии узнал, а узнав, дал обещание сделаться христианином. Он увидел не множество жертв, милостыни, духовных подвигов, храмов, но увидел Истину в малом, которая привела его к великому. Церковь так и называет его: Пахомий Великий.

Святые — это оплот Церкви, свет, которым освещается дорога к Богу. Именно этот свет является ориентиром, по которому мы милостью Божией призваны идти, не оглядываясь назад, как заповедал Господь (Лк 9: 62). Нам предстоит сделать выбор: хотим мы идти по этому проверенному пути до конца, к Спасению, или же собираемся остановиться на средствах, не достигнув цели.

Ожидание…

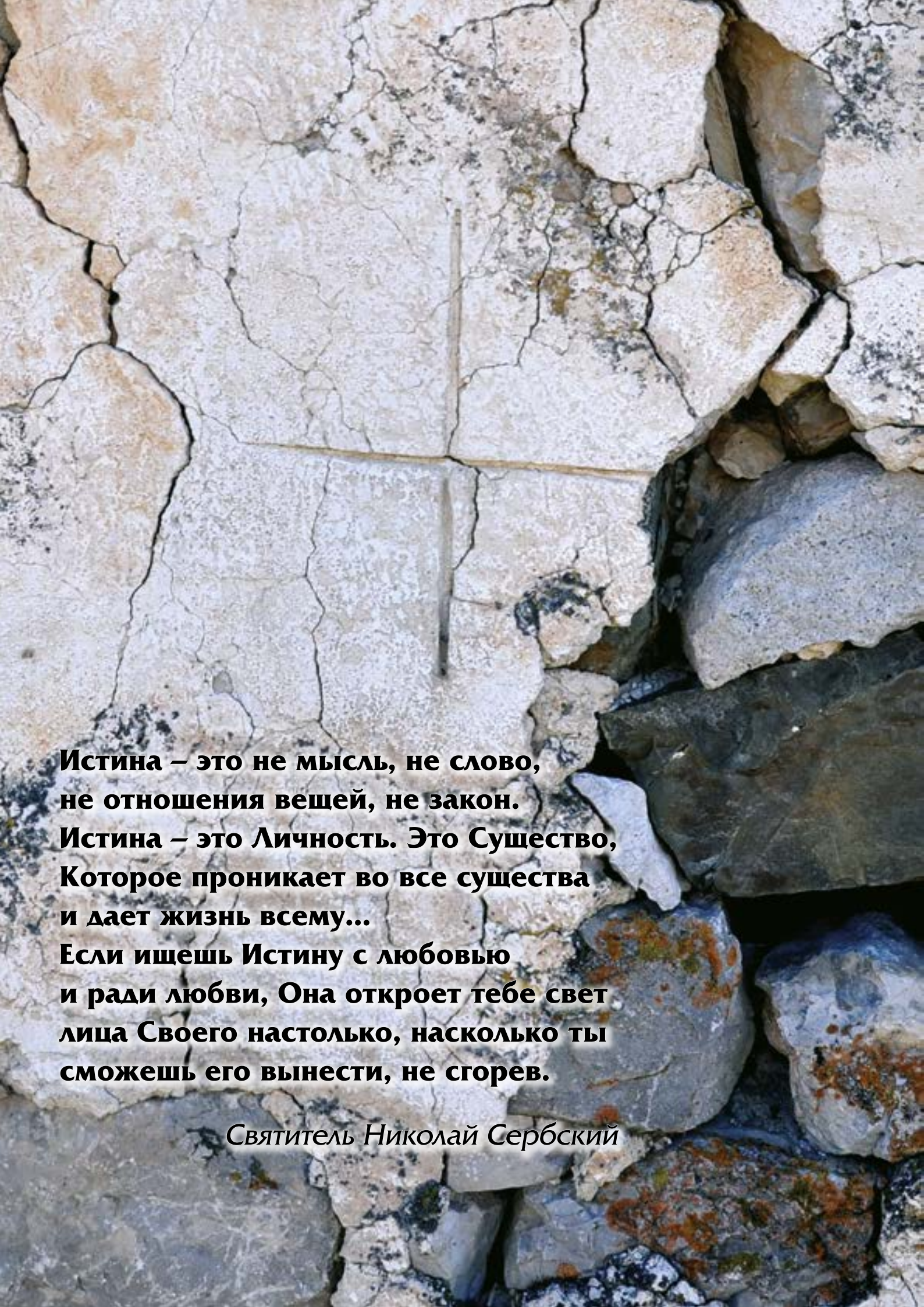
Одряхлевшая, зарастающая дорога тихо зовет к исчезающим развалинам большого и еще совсем недавно живого шумного села.

Теперь здесь только руины и неестественная тишина. Скорбь и запустение. Лезгор. Одно из десятков селений горной Алании, призрачные улицы которых уже почти неотличимы от расположенных неподалеку некрополей. Вырванные корни…

Здесь жили люди. Испокон веков, непрерывно, тысячи лет. Так говорят наука, предания, да и сама природа. Земля, замершая в ожидании человека, разумного и доброго хозяина, призванного выполнить Божественное благословение.

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею…» (Быт 1: 27–28).

И на этой земле будет Пасха. Вернется рачительный хозяин, возвратится Божественная благодать. Зазвучит молитва и зазвенят детские голоса. Так возрождается Родина…



**Истина – это не мысль, не слово,
не отношения вещей, не закон.
Истина – это Личность. Это Существо,
Которое проникает во все существа
и дает жизнь всему...
Если ищешь Истину с любовью
и ради любви, Она откроет тебе свет
лица Своего настолько, насколько ты
сможешь его вынести, не сгорев.**

Святитель Николай Сербский